

«И НЕ ЗАБУДУТ НИКОГДА ПОТОМКИ ДНЕЙ БЛОКАДНЫХ...»

БЛОКАДА Ленинграда — осада города немецкими и финскими войсками во время Великой Отечественной войны. Длится она с 8 сентября 1941 года по 27 января 1944 года. Блокадное кольцо было прорвано 18 января 1943 года. 879 дней (16 долгих месяцев) жители Ленинграда ждали освобождения из фашистского окружения.

12 января 1943 года на рассвете загрохотала артиллерийская канонада. Соединения 67-й армии Ленинградского фронта под командованием генерал-лейтенанта Л.А. Говорова, 2-й Ударной армии и части сил 8-й армии Волховского фронта под командованием генерала армии К.А. Мерецкова, начали операцию «Искра». При поддержке авиации дальнего действия, артиллерии и авиации Балтийского флота они нанесли встречные удары в узком выступе между Шлиссельбургом и

Синявином (Южное Ладожского озера). Первый удар, нанесенный врагу, был чрезвычайно силен. После двухчасовой артиллерийской и авиационной подготовки советская пехота двинулась вперед. Фронт был прорван в двух местах шириной пять и восемь километров. Позднее оба участка прорыва соединились. 18 января блокада Ленинграда была прорвана, немцы потеряли десятки тысяч своих солдат.

27 января 1944 года в результате наступательных операций Ленинградского, 2-го Прибалтийского и Волховского фронтов, при поддержке Балтийского флота были разгромлены основные силы вражеской группы войск «Север» и полностью снята блокада Ленинграда. Линия фронта отодвинулась от города на 220—280 км.

А.Н. ЧАБАНОВА

Ленинград
Художник
Б. УГАРОВ

Ленинград
в блокадную
зиму
Художник
Г.П. ТАТАРНИКОВ

Красноармейцы у костра

Наступление войск Волховского фронта
Январь 1943 г.

Салют 27 января 1944 г.
Художник
А.Ф. ПАХОМОВ, литография

Блокада Ленинграда
прорвана!
Плакат

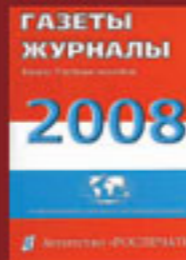

Из дневника блокады
Художник П. БЕЛЮСОВ

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ
1-80 2008 1

Уважаемые читатели!

Вы можете оформить подписку на «Военно-исторический журнал» в отделении связи по каталогу «Газеты, Журналы, Книжки, Учебные пособия» агентства «Роспечать».

Индекс журнала для российских и зарубежных подписчиков — 70137. Вы можете подписаться на «Военно-исторический журнал» также в киосках по каталогу «Газеты, Журналы, Книжки» на всей территории России. Стоимость одного экземпляра журнала по каталогу в первом полугодии 2008 года — 44 рубля. В розницу цена свободная.

Адрес для переписки:
119160, Москва,
Хорошевское шоссе,
д. 38д, редакция «Военно-исторического журнала».
Тел. редакции для справок:
(495) 693-57-45;
8-906-751-08-97
E-mail: MI_Hist_magazin@mail.ru

Электронная версия «Военно-исторического журнала» и «Военно-исторической журналы». Интернет-приложение за 2004—2007 гг. — на главной странице сайта Министерства обороны РФ www.mil.ru

Жители Москвы и Подмосковья могут приобрести отдельные номера журнала в Редакционно-издательском центре Министерства обороны РФ, тел.: (495) 693-58-68.

Ежемесячное издание
Министерства
оборон
Российской
Федерации

**ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

**ЯНВАРЬ
№ 1
2008**

ИЗДАНИЕ МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ • WWW.MIL.RU

Деятельность органов стратегического руководства при подготовке и в ходе Сталинградской наступательной операции

Эволюция органов управления военной сферой Советского государства в послевоенный период

Советское военно-морское присутствие в оценках зарубежных исследователей

Русская разведка в Швеции накануне Первой мировой войны

Обстоятельства смещения с должности командующего Черноморским флотом вице-адмирала А.В. Колчака в июне 1917 года

Русская военная эмиграция в Египте. 1920—1980-е годы
1884-0321-0828

Взвод лейб-гвардии Конного полка перед Зимним дворцом
Фрагмент картины художников А.И. ЛАДЖОРНЕРА, Е.Д. ТИДЕМАНА, 1855 г.

**27 января — День снятия блокады Ленинграда (1944).
День воинской славы России**

Военно-исторический журнал 2008 № 1 январь

БОЙ, ЗАКОНЧИВШИЙСЯ

Международный фестиваль раннесредневековой культуры «Русборг»

В ЛИПЕЦКЕ на острове, расположенном на реке Воронеж напротив городского пляжа, прошёл Международный фестиваль раннесредневековой культуры «Русборг»: «Лодейное поле», в котором приняли участие клубы военно-исторической реконструкции из различных городов России, а также Украины и Белоруссии.

Организаторами фестиваля выступили: Комитет по делам молодежи Липецкой области, Молодая Гвардия (Единая Россия), Липецкая городская научно-общественная организация «Археолог» и объединенная дружина «Южная Русь» (Елец – Белгород – Москва).

В первый день фестиваля был проведён контроль историчности снаряжения и регистрация участников. Вечером того же дня прошло общее построение представителей клубов, причём все были в доспехах и с вооружением. На следующий день прошли соревнования и конкурсы, показательные бои.

Наиболее интересные мероприятия пришлось на третий день фестиваля, когда участники военно-исторических клубов выступили перед жителями Липецка на городской набережной с исторической реконструкцией, устроив битву русичей, оборонявших берег, с викингами, переправившимися с острова на сушу на ладьях. Береговой отряд русов был готов к отражению неприятеля. Тем не менее викингам удалось сойти на берег, после чего произошёл рукопашный бой, закончившийся победой русов. День был жаркий, и воинам, одетым в полный доспех, приходилось очень тяжело, «убитые» бойцы радовались тому, что могут немного полежать и отдохнуть, прикрывшись от солнца щитом.

В стороне от поля боя шла торговля украшениями и домашней утварью, изготовленной руками участников фестиваля. Демонстрировалось гончарное искусство. Выступали музыкальные коллективы. В рамках фестиваля члены клубов жили на острове, где были организованы стоянки. На месте поселения все носили исторические костюмы. Обжигалась изготовленная посуда, готовилась на кострах пища, бытовые условия, в известных пределах, были максимально приближены к историческому периоду IX–XI вв. Построенную на острове крепость, периодически штурмовали и обороняли участники. Фестиваль вызвал большой интерес у жителей Липецка, особенно молодёжи. И этот интерес не случаен, ведь подобные мероприятия позволяют лучше узнать историю своей страны, буквально «прикоснуться» к ней.

Публикация и фото капитана О.А. ИВАЩЕНКО

▲ Стоянка участников фестиваля

▲ Подготовка к «бою»

▲ Отряд русичей

ПОБЕДОЙ РУСОВ

культуры «Русборг»

▲ Отряд викингов

▲ В атаку!

▲ Викинги переправляются с острова на «большую землю»

▲ Крепость, построенная на острове, которую периодически штурмовали и обороняли участники

▲ Викинги готовы к отражению атаки русичей

▲ Украшения и домашняя утварь, изготовленные участниками фестиваля

«БЕЛЫЙ ДОМ

Александровское

▲ Александровское военное училище (АВУ)

Открытка

▲ Юнкера АВУ на плацу

АЛЕКСАНДРОВСКОЕ военное училище — военно-учебное заведение для подготовки офицеров пехоты. Основано оно было в 1863 году. Училась в нем в основном дворянская молодёжь. Срок обучения — 2 года, с началом Первой мировой войны — 4 месяца. Этому военному учебному заведению, подготовившему для русской армии тысячи офицеров сегодня исполнилось бы 144 года. 54 из них училище функционировало в Москве, 13 — на чужбине, окончательно прекратив свою деятельность в 1932 году.

До 1917 года «белый дом на Знаменке», как называл его А.И. Куприн, был известен всей Москве, а его воспитанников в первопрестольной гордо называли «наша гвардия». В 1917 году в училище обучалось около 2000 юнкеров. В октябре 1917-го в здании находился оперативный штаб Московского военного округа. Разместившиеся там офицерские отряды и юнкера участвовали в боях против революционных отрядов. На подступах к училищу были сооружены баррикады, вырыты окопы. Вытесненные из Кремля и с прилегающих к нему улиц юнкера и офицеры 1 ноября сосредоточились в помещении училища и после интенсивного артиллерийского обстрела 3 ноября сдались. Училище было упразднено.

Здание, построенное Ф.И. Кампорези в формах раннего классицизма в 1792 году, принадлежало Апраксиным. В XIX веке перестраивалось, заняв целый квартал между Пречистенским (ныне Гоголевским) бульваром, улицей Знаменкой и Большим Знаменским переулком. В 1944—1946 гг. корпуса по Знаменке реконструировались М.В. Посохиним и А.А. Мндоянцем, соорудившими тяжёлый 12-колонный классицистический портик. Ныне здание на Знаменке, до недавнего времени ул. Фрунзе, известно в основном своим Кабинетом-музеем Г.К. Жукова. Об истории училища, его людях и традициях читайте в номере статью А.Ю. Бабурина «Александровское военное училище».

▲ Спальня 2-й роты АВУ

Открытка

▲ Первый начальник училища полковник Б.А. Шванебах

▲ Юнкер в кивере

▲ Погоны военнослужащих Александровского военного училища

1. Фельдфебель
2. Старший портупей-юнкер
3. Младший портупей-юнкер
4. Подполковник
5. Капитан роты его величества
6. Рядовой постоянного состава училища

Художник В. ПЕРЕДЕРИЙ

НА ЗНАМЕНКЕ»

военное училище

Читайте
в
номере

▲ Юнкер АВУ в вицмундире и длинных шароварах 1885 г.

▲ Знак выпускника АВУ

▲ Жетон АВУ

▲ Юнкер АВУ в зимней парадной форме вне строя 1885 г.

▲ Обер-офицер АВУ в повседневной форме вне строя 1885 г.

▲ Современный вид здания, реконструированного в 1940-е годы

▲ Фельдфебель АВУ в парадной строевой форме 1885 г.

ОТ ЛЕЙБ-ШКВАДРОНА

ЛЕЙБ-ГВАРДИИ Конный полк — один из самых знаменитых и блистательных полков русской императорской гвардии — стоит у истоков гвардейской кавалерии. Полк ведёт свое начало от лейб-шквадрона — личного конвоя генерала от кавалерии светлейшего князя А.Д. Меншикова, который был сформирован 16 мая 1706 года из военнослужащих, выбранных из первых русских драгунских полков. Лейб-шквадрон принимал участие в Северной войне, в битвах при Калише, Головчине, Лесной, Опошне и при штурме Батурина, в Полтавском сражении, когда в кавалерийском сражении он отбил шведское знамя. По указу Петра I от 11 мая 1719 года из лейб-шквадрона князя Меншикова и двух драгунских рот был сформирован полк, который стал именоваться лейб-регентом. Указом от 7 марта 1721 года название лейб-регент было заменено на Кроншлотский драгунский полк. К 1725 году это был единственный полк в русской армии, рядовые которого полностью принадлежали к дворянскому сословию. По указу Екатерины I в 1725 году полк снова получил название лейб-регент. После вступления Анны Иоанновны на престол 31 декабря 1730 года было дано высочайшее соизволение бывшй лейб-регент назвать Конной гвардией. Полк становится личной императорской охраной. Роты Конной гвардии участвовали в штурме Очакова в Русско-турецкой войне 1741—1743 гг., полк сражался в Русско-шведскую войну 1741—1743 гг. При Павле I по своей организации и обмундированию Конная гвардия становится кирасирским полком. Тогда же полк перестал быть личной царской охраной. Окончательное название — лейб-гвардии Конный полк дал император Александр I в 1801 году.

Конная гвардия отличилась в войнах с Наполеоном, принимала участие в подавлении восстания декабристов в 1825 году, Польского восстания 1830—1831 гг., в «усмирении» Венгрии в 1849 году, в 1853—1877 гг. охраняла западную границу, в революции 1905 года подразделения полка использовались для несения охранной службы совместно с городской полицией. В Первую мировую войну 1914—1918 гг. полк участвовал в боях на Юго-Западном фронте. Последним днем существования Конной гвардии считается 19 декабря 1917 года, после чего большая часть офицеров полка оказалась на Северном Кавказе. Два дивизиона в 150 человек, но без офицерского состава оказались расформированными и вернулись в свои казармы в Петрограде, войдя в состав 1-го Конного полка Красной армии.

Следуя девизу гвардии «За веру и верность», конногвардейцы, как и подавляющая часть гвардейских офицеров, были верны раз данной присяге. После Октябрьской революции почти весь офицерский состав конной гвардии эмигрировал, большинство офицеров обосновалось во Франции, где в 1923 году в Париже был создан Союз офицеров лейб-гвардии Конного полка, в 1939 году переименованный в объединение, которое существует до настоящего времени как объединение потомков офицеров-конногвардейцев.

В Москве в Библиотеке-фонде «Русское зарубежье» в ноябре 2007 — январе 2008 года работала выставка «Кажется, мы успели...», посвященная 40-летию выхода в свет парижского издания 4-томной «Истории лейб-гвардии Конного полка». В её подготовке и открытии активное участие приняли члены редакционной коллегии и редакционного совета «Военно-исторического журнала» директор Российского государственного военно-исторического архива И.О. Гаркуша и директор Центрального музея Вооруженных сил А.К. Никонов. На выставке были представлены экспонаты из тринадцати организаций (музеев, архивов, библиотек, фондов) и частных собраний.

▲ Здание Библиотеки-фонда «Русское зарубежье»

Полковая историография:

▲ История лейб-гвардии Конного полка

Слева направо:
История лейб-гвардии Егерского полка. 1796—1896 гг.,
История 44-го Драгунского Нижегородского его императорского высочества государя наследника цесаревича полка, История гвардейской артиллерии

▲ История Кавалергардского её величества полка 1724—1851 гг.

▲ Взвод лейб-гвардии Конного полка перед Зимним дворцом
Художники А.И. ЛАДЮРNER, Е.Д. ТИДЕMAN 1855 г.

▲ Фрагменты картины «Взвод лейб-гвардии Конного полка перед Зимним дворцом»
Художники А.И. ЛАДЮРNER, Е.Д. ТИДЕMAN 1855 г.

ДО КОННОЙ ГВАРДИИ

Выставка в Библиотеке-фонде «Русское зарубежье»

▲ Интервью журналистам дает организатор выставки Т.П. Спиридонова

Слева направо:
портрет поручика лейб-гвардии Конного полка В.Г. Черткова 1870-е годы,
портрет обер-офицера лейб-гвардии Конного полка Голицына 1840-е годы,
портрет полковника лейб-гвардии Конного полка Х.В. Солдаена
Неизвестные художники

▲ Мундир офицера лейб-гвардии Конного полка

▲ Каска офицерская лейб-гвардии Конного полка образца 1878—1914 гг.

▲ Фрагменты экспозиций выставки

▲ 3-й эскадрон Конной гвардии под командой ротмистра барона Врангеля 1910-е гг.

▲ Карта, иллюстрирующая военные действия во время Гражданской войны
К лекциям на курсах генерала Н.Н. Головина

▲ Фрагмент картины «На бивуаке»
Художник И.-А. Г. ШВАБЕ, 1842 г.

▲ Фигура унтер-офицера лейб-гвардии Конного полка времён Александра I
Середина XIX в.

▲ Экспозиция выставки. На переднем плане — публикация «Военно-исторического журнала» о лейб-гвардии Конном полку в эпоху Наполеоновских войн (№ 9—2005 г.)

Ф. И. Голиков

ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ	MILITARY PATRIOTIC EDUCATION	
Бой, закончившийся победой русов. Международный фестиваль раннесредневековой культуры «Русборг» (Публикация О.А. ИВАЩЕНКО) The fight ended with a victory of the russians. International festival earlymedieval cultures "Rusborg" (Publication O.A. IVASHCHENKO)		1
ВОИНСКОЕ ОБУЧЕНИЕ И ВОСПИТАНИЕ	MILITARY TRAINING AND EDUCATION	
«Белый дом на Знаменке». Александровское военное училище "The white house on Znamenka". Alexandrite military school		2
ПОЛКОВАЯ ЛЕТОПИСЬ	ANNALS OF THE REGIMENTS	
А.Н. ЧАБАНОВА — От лейб-шквдрона до Конной гвардии. Выставка в Библиотеке-фонде «Русское зарубежье» А.Н. ЧАБАНОВА — From leib-shkvadron up to Horse guards. Exhibition in Library-fund "Russian abroad"		4
ВОЕННОЕ ИСКУССТВО	ART OF WAR	
И.П. МАКАР — От «Урана» до «Кольца». Опыт деятельности органов стратегического руководства при подготовке и в ходе Сталинградской наступательной операции I.P. MAKAR — From "Uranus" up to "Ring". Experience of activities of the organs of strategic management in the time of preparation and during the Stalingrad offensive operation		9
НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ	NATIONAL SECURITY	
П.В. МАКАРОВ — Эволюция органов управления военной сферой Советского государства в послевоенный период P.V. MAKAROV — Evolution of the management organs by military sphere of the Soviet state during of the post-war period		17
ШЛА «ХОЛОДНАЯ ВОЙНА»	THERE WAS «A COLD WAR»	
А.А. КИЛИЧЕНКОВ — Советское военно-морское присутствие в период «холодной войны» в оценках зарубежных исследователей A.A. KILICHENKOV — The Soviet naval presence during of «a cold war» period in estimations of the foreign researchers		20
ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ	DOCUMENTS AND MATERIALS	
Вице-адмирал А.В. Колчак: «Считаю, что моя дальнейшая деятельность в Чёрном море... не может быть полезна». Обстоятельства смещения с должности командующего Черноморским флотом в июне 1917 года (Публикация О.Н. КОСЕНКО, Д.Ю. КОЗЛОВА) Vice-admiral A.V. Kolchak: «I think, that my further activity in Black sea ... cannot be useful». Circumstances of dismissal of the Commander of the Black Sea Navy in June 1917 (Publication O.N. KOSENKO, D.Yu. KOZLOV)		24
ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ	FROM UNPUBLISHED MANUSCRIPTS	
Ф.И. ГОЛИКОВ — Советская военная разведка перед гитлеровским нашествием на СССР (Публикация В.А. АРЦЫБАШЕВА, А.П. СЕРЕБРЯКОВА) F.I. GOLIKOV — The Soviet military intelligence before Hitlerism invasion to the USSR (Publication V.A. ARCZIBASHEV, A.P. SEREBRYAKOV)		27
ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941—1945 гг.	THE GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941—1945	
А.Н. МАНЖОСОВ — Роль железнодорожников в транспортном обеспечении боевых действий в 1942—1943 гг. A.N. MANZHOSOV — The role of the railboard men in support of battle actions in 1942—1943		33
ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ	MILITARY PATRIOTIC EDUCATION	
Я.О. ДЕРКАЕВА — Поисковики России, объединяйтесь! Ya.O. DERKAYEVA — Searchers of Russia, be united!		36
ВОИНСКОЕ ОБУЧЕНИЕ И ВОСПИТАНИЕ	MILITARY TRAINING AND EDUCATION	
А.Ю. БАБУРИН — Александровское военное училище A.Yu. BABURIN — Alexandrite military school		39
ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО	MILITARY CONSTRUCTION	
В.Л. ГЕРАСИМОВ — Развитие морской авиации в составе ВВС РККА. 1920—1937 гг. V.L. GERASIMOV — Development of the sea aircraft in structure of Air Force of the WPRA. 1920—1937		44
ИЗ ИСТОРИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОТИВОБОРСТВА	FROM THE HISTORY OF INFORMATION CONFRONTATION	
Д.Г. ГУЖВА — Информационное противоборство за влияние в русской армии. По материалам военной печати 1917—1918 гг. D.G. GUZHVA — The information antagonism for influence in Russian army. Based on materials of military press of 1917—1918		47

КНИЖНАЯ ПОЛКА ВОЕННОГО ИСТОРИКА	THE BOOKSHELF OF A MILITARY HISTORIAN	
51 Изучая военную историю. Список литературы, рекомендованной для изучения военной истории Stading military history. List of the literatyre recommended for studing military history		
ИСТОРИЯ ВОЕННОЙ РАЗВЕДКИ	HISTORY OF MILITARY INTELLIGENCE	
53 В.А. КАРЕЛИН — Русская разведка в Швеции накануне Первой мировой войны V.A. KARELIN — Russian intelligence against Sweden before the World War I		
ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ	FROM UNPUBLISHED MANUSCRIPTS	
58 П.М. КУРОЧКИН — «Войска связи должны были вступить в войну раньше, чем все остальные рода войск» (Публикация А.П. ЖАРСКОГО) P.M. KUROCHKIN — «Communication service should be entering at war earlier, than all other arms of the service» (Publication A.P. ZHARSKY)		
ВОСПОМИНАНИЯ И ОЧЕРКИ	MEMOIRS AND ESSAYS	
63 Е.А. ИВАНОВ, Я.С. КРИКСУНОВ — Мост через реку Тулому. Трудовой подвиг инженерных войск в мирное время E.A. IVANOV, Ya.S. KRIKSUNOV — The bridge over the river of Tuloma. Labour exploit of the Engineer troops in the peace time		
ФАМИЛЬНЫЙ АРХИВ	FAMILY ARCHIVE	
68 В.С. ЛИСЕНКОВ — Три жизни Сергея Лисенкова V.S. LISENKOV — Sergey Lisenkova's three lives		
ВОЕННАЯ СИМВОЛИКА	MILITARY SYMBOLICS	
69 О.Н. РОЗАНОВ — Японская наградная система в 1914—1920 гг. O.N. ROSANOV — Japanese award system in 1914—1920		

МОЛОДЕЖНЫЙ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ВОСПОМИНАНИЯ И ОЧЕРКИ	MEMOIRS AND ESSAYS	
75 Н.С. ЛЕСКОВ — Кадетский монастырь (Публикация О.Р. ДМИТРИЕВОЙ) N.S. LESKOV — The cadet monastery (Publication O.R. DMITRIEVA)		
ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ	FROM UNPUBLISHED MANUSCRIPTS	
80 А.Н. ГУРКОВСКИЙ — Палец на курке (Публикация В.А. ГУРКОВСКОГО) A.N. GURKOVSKY — The finger on trigger hook (Publication V.A. GURKOVSKY)		
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ	CRITIQUE AND BIBLIOGRAPHY	
84 Е.В. ДОБЫЧИНА — Роль организации Варшавского договора в обеспечении безопасности в Европе E.V. DOBYCHINA — The role of the Warsaw contract Organization in the security in Europe		
84 Д.Ю. АРАПОВ — Новое слово о Белом движении D.Yu. ARAPOV — The new word about White movement		
85 М.Ю. ПОРОШИН — «За годы «ежовщины» погибло вдвое больше генералов, чем за всю Великую Отечественную войну» M.Yu. POROSHIN — «For years "ezhovshiny" was lost twice more generals, than for all Great Patriotic War»		
35, 67	КНИЖНАЯ ПОЛКА ВОЕННОГО ИСТОРИКА	THE BOOKSHELF OF A MILITARY HISTORIAN
57, 83	НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ИНФОРМАЦИЯ	SCIENTIFIC SURVEY AND INFORMATION
62, 72	ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ	MEMORABLE DATES
73	АНКЕТА «ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА»	THE QUESTIONNAIRE OF "VOENNO-ISTORICHESKY ZHURNAL"
86	ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ КАЛЕНДАРЬ НА 2008 ГОД	THE MILITARY-HISTORICAL CALENDAR FOR 2008
88	СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	INFORMATION ABOUT AUTHORS
3-я стр. обл.	ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ КАЛЕНДАРЬ — 2008	THE MILITARY-HISTORICAL CALENDAR — 2008
	ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941—1945 гг.	THE GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941—1945
4-я стр. обл.	А.Н. ЧАБАНОВА — «И не забудут никогда потомки дней блокадных...» A.N. ЧАБАНОВА — "Also will not forget never descendants of the blockade days..."	

Н.В. Огарков

Г.К. Жуков

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЕ
ИЗДАНИЕ МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Основан в августе 1939 года

РЕДАКЦИЯ

Заместитель главного редактора (ВРИО главного редактора)

АВЕРЧЕНКО Сергей Викторович,
подполковник, кандидат исторических наук

Ответственный секретарь редакции
КИКНАДЗЕ Владимир Георгиевич,
капитан 2 ранга, кандидат военных наук

Научные редакторы

О.Р. ДМИТРИЕВА;
Е.В. ДОБЫЧИНА, кандидат исторических наук;
В.Т. ИМИНОВ, генерал-лейтенант в отставке, кандидат исторических наук, профессор;
Н.Ф. КОВАЛЕВСКИЙ, полковник запаса, кандидат философских наук, старший научный сотрудник;
Ю.Л. КУШЕР, полковник запаса, кандидат исторических наук;
В.Г. ОППКОКОВ, капитан 1 ранга в отставке;
А.В. ОСТРОВСКИЙ;
Р.И. ПАРФЕНОВ, старший лейтенант;
А.Н. ЧАБАНОВА

Секретариат

М.В. ЗАБРОДИНА
(заместитель ответственного секретаря редакции);
К.Н. АГАФОНОВА;
Е.В. КРИГЕР;
Ю.В. СНЕГОВА

Литературная редакция

О.К. ГРАЧЕВА, заслуженный работник культуры РФ;
Е.С. ДАНИЛИНА;
А.М. ПЕТРОВ, полковник запаса

Художественный редактор

Т.Г. ПИМЕНОВА

Заведующая редакцией

М.П. МОИСЕЕВА

Компьютерная вёрстка

О.В. ТАРАСОВ, лейтенант;
А.В. СОЛОМАХИН, лейтенант

Адрес для переписки: 119160,
Москва, Хорошевское шоссе, 38 Д,
редакция «Военно-исторического
журнала».

тел.: (495) 693-57-45,
8-906-751-06-97;

E-mail: Mil_Hist_magazin@mail.ru
Электронная версия «Военно-
исторического журнала» и «Военно-
исторический журнал. Интернет
приложение» – на главной
странице сайта
Министерства обороны РФ
www.mil.ru

«VOYENNO-ISTORICHESKIY
ZHURNAL»
MONTHLY SCIENTIFIC POPULAR
EDITION OF THE MINISTRY OF
DEFENSE OF THE
RUSSIAN FEDERATION
Founded in August, 1939

Решением Президиума Высшей аттестационной
комиссии (ВАК) Министерства образования
и науки РФ «Военно-исторический журнал» включён
в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов
и изданий, в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций на соискание
учёных степеней кандидата и доктора наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

И.О. ГАРКУША — директор Российского государственного военно-исторического архива, заслуженный работник культуры РФ (Москва)
С.А. ИЛЬЕНКОВ — начальник Архивной службы ВС РФ, полковник (Москва)
В.И. ИСАКОВ — начальник Тыла Вооружённых сил — заместитель министра обороны РФ, генерал армии (Москва)
А.В. КИРИЛИН — начальник Военно-мемориального центра ВС РФ, генерал-майор, кандидат исторических наук (Москва)
В.П. КОЗЛОВ — руководитель Федерального архивного агентства России, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН (Москва)
А.А. КОЛЬТЮКОВ — начальник Института военной истории МО РФ, полковник запаса, кандидат военных наук, старший научный сотрудник (Москва)
И.П. МАКАР — начальник кафедры истории войн и военного искусства Военной академии Генерального штаба ВС РФ, генерал-майор, кандидат исторических наук, доцент (Москва)
А.А. НОГОВИЦЫН — заместитель главнокомандующего Военно-воздушными силами, генерал-полковник, доктор военных наук (Москва)
А.В. ОСТРОВСКИЙ — ведущий научный редактор редакции «Военно-исторического журнала» (Москва)
А.С. РУКШИН — начальник Главного оперативного управления — заместитель начальника Генерального штаба ВС РФ, генерал-полковник, кандидат военных наук (Москва)
С.Е. РЫБАКОВ — начальник Управления информации и общественных связей МО РФ — заместитель начальника Аппарата министра обороны РФ, генерал-майор запаса, доктор философских наук, профессор (Москва)
А.С. СКВОРЦОВ — заместитель начальника Генерального штаба ВС РФ, генерал-полковник, кандидат политических наук, доцент (Москва)
Н.Е. СОЛОВЦОВ — командующий Ракетными войсками стратегического назначения, генерал-полковник, доктор военных наук, профессор (Москва)
В.И. ТЕРЕЩЕНКО — председатель Военно-научного комитета Сухопутных войск, полковник (Москва)
А.О. ЧУБАРЬЯН — директор Института всеобщей истории Российской академии наук, доктор исторических наук, профессор, академик РАН (Москва)
С.И. ЧУВАШИН — начальник Центрального архива МО РФ, полковник, заслуженный работник культуры РФ (г. Подольск Московской области)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

К.М. АНДЕРСОН — директор Российского государственного архива социально-политической истории, кандидат исторических наук, доцент (Москва)
И.И. БАСИК — заместитель начальника Института военной истории МО РФ по научной работе, полковник, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник (Москва)
А.А. БУДКО — начальник Военно-медицинского музея МО РФ, полковник медицинской службы, доктор медицинских наук, профессор (Санкт-Петербург)
В.В. ГРАДОСЕЛЬСКИЙ — председатель Комитета ветеранов военных комиссариатов г. Москвы, генерал-майор в отставке (Москва)
Е.Ю. ГУСЬКОВА — руководитель Центра по изучению современного балканского кризиса Института славяноведения Российской академии наук, доктор исторических наук (Москва)
И.С. ДАНИЛЕНКО — начальник Научно-методического центра отечественной военной стратегии Военной академии Генерального штаба ВС РФ, генерал-майор в отставке, доктор философских наук, профессор (Москва)
А.А. ЗДАНОВИЧ — заместитель председателя Всероссийской государственной телерадиокомпании, генерал-лейтенант запаса, кандидат исторических наук (Москва)
С.Н. КОВАЛЁВ — начальник научно-исследовательского отдела Института военной истории МО РФ, полковник, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург)
Г.Ф. КРИВОШЕЕВ — консультант Военно-мемориального центра ВС РФ, генерал-полковник в отставке, кандидат военных наук (Москва)
В.М. КРЫЛОВ — начальник Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, полковник запаса, доктор исторических наук (Санкт-Петербург)
В.Н. КУЗЕЛЕНКОВ — директор Российского государственного военного архива (Москва)
Г.А. КУМАНЁВ — руководитель Центра военной истории России, главный научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук, доктор исторических наук, профессор (Москва)
С.В. МИРОНЕНКО — директор Государственного архива Российской Федерации, доктор исторических наук (Москва)
Н.И. НИКИФОРОВ — заместитель начальника Института военной истории МО РФ, полковник, кандидат исторических наук (Москва)
А.К. НИКОНОВ — директор Центрального музея Вооружённых сил, полковник запаса (Москва)
Р.Б. РЫБАКОВ — директор Института востоковедения Российской академии наук, доктор исторических наук (Москва)
М.Р. РЫЖЕНКОВ — директор Российского государственного архива древних актов, кандидат исторических наук (Москва)
А.Н. САХАРОВ — директор Института российской истории Российской академии наук, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН (Москва)
А.Р. СОКОЛОВ — директор Российского государственного исторического архива, кандидат исторических наук, доцент (Санкт-Петербург)

2008 Военно-исторический КАЛЕНДАРЬ

WWW.MIL.RU

Атака шведов ярославскими драгунами
у деревни Эрестфер 29 декабря 1701 г.
Художник М.Б. ГРЕКОВ

	ЯНВАРЬ/JANUARY	ФЕВРАЛЬ/FEBRUARY	МАРТ/MARCH	АПРЕЛЬ/APRIL
Пн Мо	7 14 21 28	4 11 18 25	3 10 17 24 31	7 14 21 28
Вт Tu	1 8 15 22 29	5 12 19 26	4 11 18 25	1 8 15 22 29
Ср We	2 9 16 23 30	6 13 20 27	5 12 19 26	2 9 16 23 30
Чт Th	3 10 17 24 31	7 14 21 28	6 13 20 27	3 10 17 24
Пт Fr	4 11 18 25	1 8 15 22 29	7 14 21 28	4 11 18 25
Сб Sa	5 12 19 26	2 9 16 23	1 8 15 22 29	5 12 19 26
Вс Su	6 13 20 27	3 10 17 24	2 9 16 23 30	6 13 20 27
	МАЙ/MAY	ИЮНЬ/JUNE	ИЮЛЬ/JULY	АВГУСТ/AUGUST
Пн Мо	5 12 19 26	2 9 16 23 30	7 14 21 28	4 11 18 25
Вт Tu	6 13 20 27	3 10 17 24	1 8 15 22 29	5 12 19 26
Ср We	7 14 21 28	4 11 18 25	2 9 16 23 30	6 13 20 27
Чт Th	1 8 15 22 29	5 12 19 26	3 10 17 24 31	7 14 21 28
Пт Fr	2 9 16 23 30	6 13 20 27	4 11 18 25	1 8 15 22 29
Сб Sa	3 10 17 24 31	7 14 21 28	5 12 19 26	2 9 16 23 30
Вс Su	4 11 18 25	1 8 15 22 29	6 13 20 27	3 10 17 24 31
	СЕНТЯБРЬ/SEPTEMBER	ОКТАБРЬ/OCTOBER	НОЯБРЬ/NOVEMBER	ДЕКАБРЬ/DECEMBER
Пн Мо	1 8 15 22 29	6 13 20 27	3 10 17 24	1 8 15 22 29
Вт Tu	2 9 16 23 30	7 14 21 28	4 11 18 25	2 9 16 23 30
Ср We	3 10 17 24	1 8 15 22 29	5 12 19 26	3 10 17 24 31
Чт Th	4 11 18 25	2 9 16 23 30	6 13 20 27	4 11 18 25
Пт Fr	5 12 19 26	3 10 17 24 31	7 14 21 28	5 12 19 26
Сб Sa	6 13 20 27	4 11 18 25	1 8 15 22 29	6 13 20 27
Вс Su	7 14 21 28	5 12 19 26	2 9 16 23 30	7 14 21 28

СОДЕРЖАНИЕ

[ВОЕННОЕ ИСКУССТВО](#)

И.П. МАКАР — От «Урана» до «Кольца». Опыт деятельности органов стратегического руководства при подготовке и в ходе Сталинградской наступательной операции

[НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ](#)

П.В. МАКАРОВ — Эволюция органов управления военной сферой Советского государства в послевоенный период

[ШЛА «ХОЛОДНАЯ ВОЙНА»](#)

А.А. КИЛИЧЕНКОВ — Советское военно-морское присутствие в период «холодной войны» в оценках зарубежных исследователей

[ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ](#)

Вице-адмирал А.В. Колчак: «Считаю, что моя дальнейшая деятельность в Черном море... не может быть полезна». Обстоятельства смещения с должности командующего Черноморским флотом в июне 1917 года

(Публикация О.Н. КОСЕНКО, Д.Ю. КОЗЛОВА)

[ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ](#)

Ф.И. ГОЛИКОВ — Советская военная разведка перед гитлеровским нашествием на СССР

(Публикация В.А. АРЦЫБАШЕВА, А.П. СЕРЕБРЯКОВА)

[ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941—1945 гг.](#)

А.Н. МАНЖОСОВ — Роль железнодорожников в транспортном обеспечении боевых действий в 1942-1943 гг.

[ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ](#)

Я.О. ДЕРКАЕВА — Поисковики России, объединяйтесь!

[ВОИНСКОЕ ОБУЧЕНИЕ И ВОСПИТАНИЕ](#)

А.Ю. БАБУРИН — Александровское военное училище

[ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО](#)

В.Л. ГЕРАСИМОВ — Развитие морской авиации в составе ВВС РККА. 1920—1937 гг.

[ИЗ ИСТОРИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОТИВОБОРСТВА](#)

Д.Г. ГУЖВА — Информационное противоборство за влияние в русской армии. По материалам военной печати 1917—1918 гг.

[ИСТОРИЯ ВОЕННОЙ РАЗВЕДКИ](#)

В.А. КАРЕЛИН — Русская разведка в Швеции накануне Первой мировой войны

[ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ](#)

П.М. КУРОЧКИН — «Войска связи должны были вступить в войну раньше, чем все остальные рода войск»

(Публикация А.П. ЖАРСКОГО)

[ВОСПОМИНАНИЯ И ОЧЕРКИ](#)

Е.А. ИВАНОВ, Я.С. КРИКСУНОВ — Мост через реку Тулому. Трудовой подвиг инженерных войск в мирное время

[ФАМИЛЬНЫЙ АРХИВ](#)

В.С. ЛИСЕНКОВ — Три жизни Сергея Лисенкова

[ВОЕННАЯ СИМВОЛИКА](#)

О.Н. РОЗАНОВ — Японская наградная система в 1914—1920 гг.

МОЛОДЕЖНЫЙ «ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ»

[ВОСПОМИНАНИЯ И ОЧЕРКИ](#)

Н.С. ЛЕСКОВ — Кадетский монастырь

(Публикация О.Р. ДМИТРИЕВОЙ)

[ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ](#)

А.Н. ГУРКОВСКИЙ — Палец на курке

(Публикация В.А. ГУРКОВСКОГО)

[КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ](#)

Е.В. ДОБЫЧИНА — Роль организации Варшавского договора в обеспечении безопасности в Европе

Д.Ю. АРАПОВ — Новое слово о Белом движении

М.Ю. ПОРОШИН — «За годы “ежовщины” погибло вдвое больше генералов, чем за всю Великую Отечественную войну»

[КНИЖНАЯ ПОЛКА ВОЕННОГО ИСТОРИКА](#)

[НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ИНФОРМАЦИЯ](#)

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ КАЛЕНДАРЬ НА 2008 ГОД

ВОЕННОЕ ИСКУССТВО

МАКАР Иван Петрович —

начальник кафедры истории войн и военного искусства Военной академии Генерального штаба ВС РФ, генерал-майор, кандидат исторических наук, доцент (Москва)

ОТ «УРАНА» ДО «КОЛЬЦА»

Опыт деятельности органов стратегического руководства при подготовке и в ходе Сталинградской наступательной операции

К 65-летию контрнаступления под Сталинградом

Сталинградская стратегическая наступательная операция (контрнаступление), проведенная Красной армией с 19 ноября 1942 года по 2 февраля 1943-го, стала, как известно, выдающимся событием не только Великой Отечественной, но и всей Второй мировой войны.

В результате контрнаступления войск Красной армии были разгромлены 5 вражеских армий — немецкие 6-я полевая и 4-я танковая, румынские 3-я и 4-я, итальянская 8-я, враг отброшен от Волги и Дона на сотни километров. Его общий урон составил 800 тыс. человек (в том числе около 180 тыс. пленными). Противник потерял до 2000 танков и штурмовых орудий, более 10 тыс. орудий и минометов, около 3000 боевых и транспортных самолетов, огромное количество другой боевой техники, полностью лишился 32 дивизий и 3 бригад, а 16 его дивизиям было нанесено тяжелое поражение. Стратегическая инициатива прочно и окончательно перешла в руки советского Верховного Главнокомандования, созданы условия для развертывания общего наступления Красной армии и массового изгнания захватчиков с оккупированной территории СССР.

Немецкий генерал Г. Дёрр, непосредственный участник сталинградских боев, писал: «Для Германии битва под Сталинградом была тяжчайшим поражением в ее истории, для России — ее величайшей победой. Под Полтавой (1709 г.) Россия добилась права называться великой европейской державой, Сталинград явился началом ее превращения в одну из двух величайших мировых держав».

Победа в районе Сталинграда стала возможной благодаря возросшим возможностям соединений и частей Красной армии и их военного искусства. Одним из решающих факторов, обеспечивших победу советских войск, стал также более высокий по сравнению с 1941 годом уровень деятельности Ставки Верховного Главнокомандования, Генерального штаба и других органов стратегического руководства как при подготовке, так и в ходе контрнаступления. Об опыте их работы, во многом сохраняющем свою значимость в современных условиях, и рассказывается в настоящей статье <...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала»

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Дёрр Г. Поход на Сталинград. М.: Воениздат, 1957. С. 15.

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

МАКАРОВ Павел Валериевич —

начальник отдела Института военной истории МО РФ, полковник, кандидат исторических наук (Москва)

ЭВОЛЮЦИЯ ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ ВОЕННОЙ СФЕРОЙ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Исторический опыт развития Вооруженных Сил показывает, что эффективность их использования возможна лишь при наличии соответствующей системы управления, способной осуществлять руководство военной сферой общества как в мирное, так и в военное время. В этой связи представляет интерес опыт СССР, который на протяжении 70 лет в меняющихся исторических условиях использовал различные организационные формы, осуществляющие координацию деятельности государства в области обеспечения военной безопасности. Особенно интересен поиск оптимальной организационной модели управления военной сферой государства после Великой Отечественной войны, когда произошли кардинальные изменения в расстановке сил на мировой арене и неоднократно менялась внутривнутриполитическая обстановка в стране.

Как известно в годы Великой Отечественной войны руководство обороной страны осуществлял чрезвычайный орган — Государственный Комитет Обороны (ГКО). Он имел Оперативное бюро, к ведению которого относились вопросы контроля за текущей работой наркоматов оборонной промышленности и всех отраслей, непосредственно обеспечивающих деятельность этих наркоматов. Параллельно ему в правительстве действовало Бюро СНК СССР, в оперативном управлении которого находились все остальные отрасли народного хозяйства. После окончания войны государственный аппарат СССР стал переходить на работу в мирных условиях. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 сентября 1945 года ГКО был упразднен, а все его дела были переданы СНК СССР¹. 6 сентября вместо Бюро СНК СССР и Оперативного бюро ГКО созданы два Оперативных бюро СНК СССР. Одно из них занималось вопросами работы наркоматов обороны и Военно-Морского Флота, сельского хозяйства, торговли и финансов, а также комитетов и управлений при Совнаркоме СССР, другое — вопросами работы промышленных наркоматов и железнодорожного транспорта. На них возлагались подготовка и представление на рассмотрение председателя СНК СССР проектов решений по народнохозяйственному плану, а также по отдельным важным вопросам, требующим решения правительства².

Такое нововведение серьезно усложнило управление военной сферой советского государства, так как наркоматы обороны и Военно-морского флота находились в ведении одного Оперативного бюро, а оборонная промышленность — другого. Органа, который

взамен ГКО координировал бы деятельность наркоматов, имеющих непосредственное отношение к обороне страны, не было создано.

20 марта 1946 года вместо существующих двух Оперативных бюро СНК СССР было создано единое Бюро Совета Министров СССР (15 марта 1946 года СНК СССР был преобразован в Совет Министров СССР) в составе заместителей председателя Совета Министров³. Председателем бюро был назначен Л.П. Берия, а его заместителями Н.А. Вознесенский и А.Н. Косыгин⁴. Вместе с тем не было создано органа, подобного предвоенному Комитету обороны при СНК СССР, который занимался координацией усилий всех ведомств в интересах обороны. Отказ от создания такого органа, по всей видимости, диктовался внешнеполитической обстановкой, которая кардинально отличалась от предвоенной. Страна еще не оправилась от разрушительных последствий войны и во главу угла была поставлена задача восстановления народного хозяйства.

28 марта 1946 года постановлением правительства были распределены обязанности между председателем (И.В. Сталин) и заместителями председателя Совета Министров по наблюдению за работой министерств, комитетов и главных управлений. Л.П. Берия осуществлял наблюдение за работой министерств внутренних дел и государственной безопасности, Н.А. Вознесенский — министерств авиационной промышленности, судостроения, строительства военных и военно-морских предприятий, К.Е. Ворошилов — Осоавиахима, И.В. Сталин — Министерства вооружения⁵. Для Министерства Вооруженных Сил в данном постановлении не предусматривался куратор, но и без этого было понятно, чья это вотчина, учитывая, что министром Вооруженных Сил являлся сам Сталин.

В результате такого решения ведомства, имевшие непосредственное отношение к обеспечению военной безопасности государства, были в оперативном подчинении разных государственных лиц, что, безусловно, отрицательно сказывалось на скоординированности деятельности правительства в оборонной области. Кроме того, каждый заместитель председателя Совета Министров, имеющий в подчинении оборонные наркоматы, курировал еще ряд чисто гражданских ведомств, что также не способствовало целостности и продуманности военного строительства государства.

8 февраля 1947 года при Совете Министров СССР образовали восемь бюро, на которые было возложено решение текущих вопросов работы подведомственных им министерств и ведомств, а также подготовка и представление на рассмотрение Бюро Совета Министров проектов решений по важнейшим вопросам работы соответствующих отраслей управления. Председателями этих бюро являлись заместители председателя Совета Министров⁶. Очередная реорганизация правительства не привела к созданию структуры, на которую было бы возложено руководство работой всех ведомств, имеющих отношение к обороне страны. Ряд ведомств, относящихся к обеспечению безопасности государства, не вошли в подчинение ни одного бюро. Руководство работой министерств госбезопасности и Вооруженных Сил сосредоточивалось в Политбюро ЦК ВКП(б)⁷ <...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала»

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Российский Государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 1053. Л. 50.

2 Там же. Оп. 3. Д. 1053. Л. 430, 431.

3 Председатель Совета Министров СССР имел 8 заместителей.

4 Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 275. Л. 35.

5 Там же. Л. 121–123.

6 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1063. Л. 32–35.

7 Там же. Л. 34–37.

ШЛА «ХОЛОДНАЯ ВОЙНА»

КИЛИЧЕНКОВ Алексей Алексеевич —

доцент кафедры истории России новейшего времени Российского государственного гуманитарного университета, кандидат исторических наук (Москва)

СОВЕТСКОЕ ВОЕННО-МОРСКОЕ ПРИСУТСТВИЕ В ПЕРИОД «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ» В ОЦЕНКАХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

В конце 1960 — начале 1970-х годов в рамках зарубежного «советоведения» начало быстро формироваться самостоятельное направление, объектом изучения которого стал советский Военно-Морской Флот. Этот историографический феномен своим появлением был обязан свершившемуся к тому времени выходу советского флота в океан. Только за 10 лет, в период с 1964 по 1973 год, средний показатель числа дней, проведенных советскими кораблями в океане увеличился с 4000 до более чем 50000. Политическое руководство ведущих западных стран восприняло это явление как вызов их традиционному господству в мировом океане, как новую угрозу национальной безопасности: «Военно-морское превосходство США на океанских просторах быстро уходит в прошлое, — с раздражением констатировал в 1972 году президент национального Центра стратегической информации США Ф. Барнетт. — Русский медведь быстро научился плавать и теперь подчиняет себе моря и океаны».

В ходе анализа деятельности советского ВМФ в период «холодной войны» зарубежные историки выделили следующие основные формы его применения: демонстрация военно-морской мощи, военно-морское присутствие, заходы в иностранные порты, связанные с эксплуатацией кораблей, демонстрационные визиты «доброй воли», поставки военно-морских вооружений.

Наиболее распространенной формой, по мнению зарубежных исследователей, стала демонстрация силы с использованием надводных кораблей — крейсеров, эсминцев, сторожевых кораблей. Они использовались в 80 проц. подобных акций. Часто демонстрация принимала характер противостояния силам США и НАТО. «В случае возникновения значительного конфликта в третьем мире американские политики, как правило, в качестве первого средства использовали военно-морскую группировку, обычно включавшую не менее одного авианосца. Типичной реакцией Кремля на эти действия, —

отмечал в своем исследовании сотрудник Брукинского института (Вашингтон) С. Каплан, — было появление соединения советских военно-морских сил с целью нейтрализации политического эффекта присутствия в этом районе кораблей ВМФ США».

Оценивая географию действий советского ВМФ, зарубежные исследователи пришли к выводу, что в 1960—1970-е годы регионами наивысшей его активности являлись Средиземное море и Атлантика, на их долю пришлось около 75 проц. общего объема. Но эта география распределения не была постоянной (диаграмма 1). В 1972—1973 гг. треть всей активности советского ВМФ была сосредоточена в акваториях Индийского и Тихого океанов.

В связи с обострением со второй половины 1950-х годов ситуации на Ближнем Востоке важным центром притяжения советских военно-морских сил являлось южное Средиземноморье. По оценке С. Каплана, в период с 1957 года на этот район приходится около 40 проц. советского военно-морского присутствия в мировом океане. Данные за 1964—1973 гг. (диаграмма 2) также подтверждают это.

Первый акт советской военно-морской дипломатии в Средиземноморье был отмечен во время сирийского кризиса (август—октябрь 1957 г.). В ответ на высылку американских дипломатов, обвиненных в подготовке антиправительственного переворота, 6-й флот США устроил демонстрацию силы у берегов Сирии. В конце сентября в сирийский порт Латакия прибыл отряд советских кораблей в составе крейсера «Жданов» и эсминца «Свободный», их пребывание в порту длилось 10 дней. В октябре Черноморский флот провел масштабные маневры. Эти внешнеполитические акции советского флота, по оценке зарубежных исследователей, способствовали сближению Сирии с СССР «более, чем любой другой страны третьего мир» <...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала»

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

Публикация: КОСЕНКО Оксана Николаевна —

ведущий специалист отдела информационно-поисковых систем Государственного архива Российской Федерации (Москва);

КОЗЛОВ Денис Юрьевич —

начальник отдела Института военной истории МО РФ, капитан 1 ранга, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник (Москва)

ВИЦЕ-АДМИРАЛ А.В. КОЛЧАК: «СЧИТАЮ, ЧТО МОЯ ДАЛЬНЕЙШАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ЧЕРНОМ МОРЕ... НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ПОЛЕЗНА»

Обстоятельства смещения с должности командующего Черноморским флотом в июне 1917 года

Оставление должности командующего Черноморским флотом в июне 1917 года является одним из наиболее легендарных сюжетов биографии Александра Васильевича Колчака. Едва ли не все научные исследования и публицистические сочинения о жизнедеятельности адмирала содержат описания — к сожалению, различной степени достоверности — эпической сцены выбрасывания за борт «Георгия Победоносца» Георгиевского оружия, пожалованного за участие в обороне Порт-Артура, и последующего отъезда Колчака из Севастополя.

Впервые публикуемая подборка документов освещает фактические обстоятельства отстранения А.В. Колчака от должности командующего флотом. Особую, на наш взгляд, научную ценность имеет фрагмент рукописи воспоминаний очевидца этих событий — помощника начальника военно-сухопутного отдела штаба командующего Черноморским флотом полковника Сергея Николаевича Сомова.

Публикуемые документы находятся на хранении в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ). Личный фонд С.Н. Сомова был передан в ГАРФ в составе Русского заграничного исторического архива (РЗИА) в 1946 году. В этом фонде, в частности, отложились рукописные воспоминания С.Н. Сомова «В Севастополе. Ноябрь 1915 г. — июнь 1918 г.». В публикации приведена одна из 54 глав воспоминаний, в которой мемуарист описывает инцидент, возникший в связи с постановлением делегатского собрания о разоружении офицеров.

Официальные документы, в том числе телеграммы А.В. Колчака, отражающие события, происходившие в Севастополе 6—7(19—20) июня 1917 года, сохранились в фонде Канцелярии Временного правительства. Документы расположены в хронологическом порядке. Все даты в документах приведены как в оригиналах, по старому стилю <...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии журнала

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ

Публикация: АРЦЫБАШЕВ Валерий Александрович — кандидат исторических наук, заведующий сектором научно-справочного аппарата отдела информационного обслуживания Центрального московского архива-музея личных собраний (Москва);

СЕРЕБРЯКОВ Анатолий Павлович —

командир войсковой части, полковник (Москва)

Ф.И. Голиков

СОВЕТСКАЯ ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА ПЕРЕД ГИТЛЕРОВСКИМ НАШЕСТВИЕМ НА СССР

На протяжении многих лет в работе ГРУ уделялось большое внимание вопросу отношений между Германией и Англией. Особенно же — на протяжении всего годового периода 1940—1941 г[г]. перед нападением гитлеровских вооруженных сил на Советский

Союз. И вполне обоснованно. Ведь установление истинного положения в этом вопросе имело прямое касательство к прогнозу в отношении дальнейшего хода Второй мировой войны. Особенно же большое значение это имело для уяснения обстановки и условий, какие могут сложиться для нашей Советской страны в связи со все более нависающей угрозой нападения на нее со стороны Германии. Прежде всего это касалось времени нападения и стратегических условий, которые постараются к данному моменту создать для себя фашистские агрессоры.

В одном из докладов ГРУ в адрес высших инстанций от марта месяца 1941 г. имеется пункт за моей подписью, в котором говорится: «На основании всех приведенных выше высказываний и возможных вариантов действий весной этого года считаю, что наиболее возможным сроком начала действий против СССР будет являться момент победы над Англией или после заключения с ней почетного для Германии мира».

Подчеркиваю, что речь идет о «действиях весной этого года», т[о] е[сть] весной 1941 г., а не о каком-то другом или вообще каком-то неопределенном сроке.

Делая этот вывод, Главное разведывательное управление Генштаба знало и учитывало, с какой настойчивостью, упорством, разносторонностью в способах и длительно во времени Гитлер и высшее военное руководство Германии, по крайней мере, уже с конца мая 1940 г. добивались мира с Англией, причем прежде всего за счет Советского Союза.

Изучение данного вопроса и составление изложенного вывода в условиях царившей в то время колоссальной дезинформации со стороны воюющих (и многих не воюющих) сторон, среди огромного множества самых разнообразных, часто тенденциозных и противоречивых сообщений представляло весьма непростую, отнюдь нелегкую задачу. Время и годы (а минуло уже 28 лет) стерли остроту этой обстановки даже в памяти некоторых активных деталей¹ того времени.

Как ни парадоксально на первый взгляд, но политической и военной стратегии руководящих политических и военных кругов Германии и Англии того времени было свойственно своеобразное и определенное совпадение интересов в отношении Советского Союза. Гитлер жаждал скорейшего начала войны против СССР, а английское правительство все спасение Англии после Дюнкерка видело тоже в скорейшем вступлении СССР в войну против Германии.

Скорейшим заключением мира с Англией Гитлер стремился избавить Германию от войны на два фронта, чтобы все силы и все средства немедленно бросить в сокрушительную и молниеносную войну против СССР, как главного врага гитлеризма и фашизма.

Скорейшее вооруженное столкновение Германии и СССР было для Англии залогом того, что война с Советским Союзом поглотит главные силы всех держав оси Берлин—Рим—Токио и в первую очередь самой Германии. А ведь Англия тогда во всех отношениях находилась в самом критическом положении, особенно в военном, и в этих условиях угроза и опасность вторжения гитлеровских вооруженных сил на Британские острова не были лишь простым пугалом или дезинформацией.

В Англии тоже знали, что антикоммунизм и антисоветизм, уничтожение Советского социалистического государства с самого зачатия гитлеризма являлись идейными, политическими, моральными и экономическими основами его теоретической и практической деятельности.

Советский народ под руководством Коммунистической партии все это понимал с первого дня прихода Гитлера к власти. Понимал, что все оккупационные походы гитлеровских вооруженных сил по Европе на протяжении 1938, 1939 и 1940 гг. являлись лишь предпосылкой и подготовкой к решению «исторической миссии» Гитлера — войне против СССР с целью его разгрома и уничтожения <...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала»

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Так в тексте. Правильно — деятелей.

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941—1945 гг.

МАНЖОСОВ Александр Николаевич —

вице-президент Курского областного научного краеведческого общества, майор запаса, кандидат исторических наук (г. Курск)

РОЛЬ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКОВ В ТРАНСПОРТНОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ В 1942—1943 гг.

В июле 1942 года развернулись ожесточенные бои в большой излучине Дона. Сложившаяся в районе Сталинграда обстановка срочно требовала увеличения пропускной способности Юго-Восточной магистрали, общая протяженность которой, включая участки Мичуринск — Лихая, Мичуринск — Поворино, Лиски — Алексеевка и Сталинград — Лихая, составляла 3028 километров. Основными пунктами снабжения войск были станции Балашов, Камышин, Кочетовка, Ртищево.

По мере приближения противника к Сталинграду все более массированными становились бомбежки железнодорожных участков Юго-Восточной и Рязано-Уральской железных дорог, особенно станций Филоново, Себряково, Арчеда, Иловля, Качалино, Котлубань, достигнув наибольшей интенсивности в сентябре—октябре 1942 года, когда на берегах Волги сосредоточивались стратегические резервы. Стало ясно, что транспортное обслуживание боевых операций невозможно без коренной перестройки деятельности НКПС. Речь шла прежде всего об обеспечении эксплуатационников тяговой силой, т.е. о паровозном хозяйстве. Следовало создать систему, при которой паровозы использовались бы наиболее рационально. Изучив опыт вождения поездов на прифронтовых участках, специалисты паровозного главка НКПС (начальник В.А. Гарнык) внесли предложение создать специальные мобильные формирования — колонны паровозов особого резерва (ОРКП) для использования в основном на прифронтовых дорогах¹.

Первые подобные паровозные колонны формировались весной 1942 года на Московском железнодорожном узле преимущественно из эвакуированных железнодорожников Брест-Литовской и Белостокской железных дорог. Технической базой служило депо им. Ильича (Белорусский вокзал), где проводились переоборудование и ремонт паровозов. При этом наращивались борта тендеров с целью загрузки повышенного запаса топлива, броней обшивались стенки и крыши паровозных будок, усиливалась ходовая часть,

подготавливались цистерны для нефти и воды, а также жилые вагоны для обслуживающих бригад.

В мае 1942 года было утверждено «Положение о колоннах особого резерва НКПС». Колонна, как правило, состояла из 30 паровозов, бригады которых числились на положении военнослужащих². Начальник колонны утверждался приказом наркома путей сообщения. Личный состав колонны насчитывал 432 человека, из них 186 членов паровозных бригад и 62 поездных вагонных мастера³. К каждому паровозу прикреплялся комплексный экипаж из 13 человек, называвшийся взводом, шесть взводов составляли роту, во главе которой стоял командир — машинист-инструктор. В каждой паровозной колонне имелось пять—шесть рот⁴.

Паровозная колонна № 8 формировалась в депо Люблино⁵, колонна № 9 в депо Тула, № 10 — на станции Ожерелье⁶. В эти колонны были направлены паровозы серии «Э», их бригады состояли из лучших специалистов. Так, в качестве машинистов-инструкторов ОРКП-9 были назначены стахановцы, почетные железнодорожники И.Ф. Водяницкий и В.В. Табачков, а паровозные бригады возглавляли старшие машинисты А.М. Бородавченко и А.Д. Кондратьев: первый был известен как инициатор вождения тяжеловесных поездов на Московско-Курской железной дороге, а второй установил всесоюзный рекорд межпромывочного пробега паровоза⁷<...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала»

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Колонны паровозов особого резерва НКПС. Страницы памяти. М., 1990. С. 14; Ветров И.Е. По заданию Ставки. Киев, 1990. С. 14, 15.

2 Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1884. Оп. 49. Д. 1652. Л. 1, 2.

3 Там же. Л. 3.

4 Ветров И.Е. По заданию Ставки // Электрическая и тепловозная тяга. 1990. № 1. С. 41, 42; Вопросы истории. 2005. № 3. С. 147, 148.

5 Первым начальником ОРКП-8 стал Е.Ф. Рудой, работавший заместителем начальника дороги им Ф.Э. Дзержинского. С октября 1939 г. по 30 марта 1942 г. он возглавлял Московско-Донбасскую железную дорогу, был награжден орденами Красной Звезды, Трудового Красного Знамени. Во главе ОРКП-9 был поставлен А.Н. Бицуля — заместитель начальника политотдела дороги им. Ф.Э. Дзержинского. См.: Центральный архив Министерства путей сообщения РФ (ЦА МПС РФ). Ф. 1. Оп. 18-ЛД. Т. 12. Д. 6777. Л. 18, 19; Оп. 1-ЛД. Т. 12. Д. 332. Л. 1, 3, 4.

6 РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 110. Д. 7. Л. 1.

7 См.: Паровозник (Еженедельный научно-технический журнал НКПС). 1936. № 2. С. 3; № 3. С. 3; Архив Управления Куйбышевской железной дороги. Ф. 11. Оп. 1. Д. 3. Л. 29, 31, 92, 93.

ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ

ДЕРКАЕВА Ярослава Олеговна —

корреспондент газеты «Республика» (Республика Коми, г. Сыктывкар)

ПОИСКОВИКИ РОССИИ, ОБЪЕДИНЯЙТЕСЬ!

В рамках межрегионального гражданско-патриотического форума «В едином строю» в г. Сыктывкар, столице Республики Коми, состоялся межрегиональный семинар-совещание «Организация поисковой и музейной работы в образовательных учреждениях». На мероприятие приехали руководители поисковых объединений десяти регионов страны и представители государственных структур, курирующих вопросы их работы — заместитель начальника Военно-мемориального центра Вооруженных сил РФ (ВМЦ ВС РФ) полковник А.Л. Таранов и директор Российского центра гражданского и патриотического воспитания детей и молодежи Рособразования (Роспатриотцентр) А.А. Клименко.

Открывая семинар, инициатор его проведения председатель совета Коми республиканского поискового объединения «Северное Созвездие», старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, кандидат исторических наук Е.Н. Боле, объяснила своевременность проведения этого мероприятия и подчеркнула, что одним из важных направлений деятельности поисковых лидеров является воспитательный аспект.

Последний максимально осветила директор Смоленского областного центра героико-патриотического воспитания и социальной помощи молодежи «Долг» Н.Г. Куликовских. Она отметила, что большую роль в воспитании молодежи сегодня играет развитие чувства терпимости к традициям и культуре других национальностей.

На современном этапе возрождения патриотизма в российском обществе поисковые общественные объединения являются реально существующим движением, ведущим активную работу по восстановлению исторической правды и сохранению народной памяти о Великой Отечественной войне. Одним из важнейших направлений работы поисковых объединений является установление имен и увековечение памяти воинов, погибших при защите Отечества. Осуществление государственно значимой работы в этой области невозможно без взаимной поддержки и объединения усилий государственных структур, общественных организаций и научных учреждений. Поисковые исследования социально востребованы в вопросах формирования гражданско-исторической идентификации россиян, выработки механизма духовно-нравственной преемственности поколений, военно-патриотического воспитания подрастающего поколения на примере героического прошлого российского народа.

О том, какие нововведения уже действуют, и о планах относительно поискового движения в своих выступлениях говорили заместитель начальника ВМЦ ВС РФ А.Л. Таранов и директор Роспатриотцентра А.А. Клименко.

А.А. Клименко напомнил, что в настоящее время рассматриваются дополнения и поправки к ныне действующей «Программе патриотического развития на 2005—2010 гг.», начато формирование нового проекта федеральной целевой программы по гражданско-патриотическому воспитанию молодежи на 2011—2015 гг. Кроме того, заявил А.А. Клименко, Роспатриотцентр вышел с инициативой по внесению изменений и дополнений

в ныне действующую программу. Если предложения будут учтены, то вопросы, связанные с формированием материальной базы и проведением поисковых работ общественными организациями, будут сняты. При этом Роспатриотцентр будет плодотворно сотрудничать с поисковыми объединениями не только в организации открытия и закрытия «Вахта Памяти», но и в проведении экспедиций и других мероприятий общественных объединений поисковиков.

А.А. Клименко также рассказал о создании государственного Комитета по делам молодежи РФ при Правительстве РФ (руководитель — В. Екименко, лидер движения «Наши»), формировании организационных и руководящих органов комитета. Все полномочия по патриотическому воспитанию, военно-спортивной подготовке, детско-юношескому спорту будут переданы этому комитету.

Все предлагаемое поисковиками обещал помочь воплотить в жизнь заместитель начальника ВМЦ ВС РФ полковник А.Л. Таранов, который представил схему реорганизации органов военного управления, реализующих практические мероприятия. Планируется создание вертикали в округах военно-мемориальных служб. По этой схеме четко прослеживается взаимодействие ВМЦ ВС РФ почти со всеми структурами в стране, которые занимаются увековечением памяти, включая и поисковое движение.

А.Л. Таранов рассказал и об успешной работе 90-го ОСПБ. Поднято 1949 останков бойцов (обнаружено 93 смертных медальона, из них 24 прочитаны, найдены родственники 5 погибших). Он отметил, что одного поискового батальона на всю страну, разумеется, не хватает. Но в условиях сокращения вооруженных сил и перехода их на профессиональную основу создать подобные батальоны сложно. Для организации более тесного взаимодействия и проверки работоспособности батальона, как организатора поиска на местах вокруг себя, на будущий год запланировано апробировать идею совместной работы батальона и общественных поисковых организаций.

Важнейшее направление проводимой МО РФ работы — совершенствование законодательной и нормативной базы на федеральном уровне. Изданы два указа Президента РФ, направленные на урегулирование вопросов увековечения памяти: от 11 сентября 2007 года — «Об утверждении Положения Межведомственной комиссии по военнопленным, интернированным и пропавшим без вести и ее состава» (ее председатель — советник министра обороны РФ генерал-полковник Н.И. Резник; ответственный секретарь комиссии — А.Л. Таранов; комиссия займется вопросами, касающимися розыска, возвращения и установления судеб пропавших без вести, военнопленных, интернированных, оказавшихся в этой ситуации при защите Отечества); от 1 октября 2007 года — «О представительствах Министерства обороны Российской Федерации в иностранных государствах, на территориях которых имеются российские воинские захоронения».

Открытие представительств планируется с 1 января 2008 года. По словам А.Л. Таранова, цель создания — недопущение событий, подобных тем, которые произошли в Эстонии. Только на территории Европы (в 24 государствах) погребено более 4,5 млн советских воинов, погибших в период Великой Отечественной войны, из которых более 80 проц. числятся на кладбищах как неизвестные. На учете в ВМЦ ВС РФ стоит лишь 4519 мест из 7500, находящихся в Европе. Поэтому будет создано семь представительств за рубежом, чтобы навести порядок с учетом, установлением фамилий и соблюдением соглашений, подписанных с этими государствами о сохранности мест захоронений. Открываются представительства МО РФ на территории следующих иностранных государств: 3 региональных (по группам стран — Литва, Латвия, Эстония; Чехия, Словакия; Китай,

Япония, Монголия, Корея) и 4 отдельных представительства (Румыния, ФРГ, Польша, Венгрия). Наилучшее положение дел в Польше, где отдел работает с 1993 года. С 1995 года проводились попытки создать такие же структуры и в других странах. Наконец это удалось осуществить.

С участием Минобороны подготовлено в 2007 году 2 соглашения: с прибалтийскими республиками и с Китаем по сохранности наших воинских захоронений на территории этой страны (уже подписано), хотя они принимают во внимание лишь захоронения Второй мировой войны и периода нашей помощи Китаю, исключая захоронения Русско-японской войны 1904—1905 гг., которых очень много в КНДР. В настоящий момент подписано уже 11 соглашений с зарубежными странами.

Выделяется недостаточно средств по поддержке наших воинских захоронений за рубежом. В основном (кроме Италии и Германии) невозможно за счет страны пребывания восстанавливать захоронения. Министерство финансов РФ переложило задачу изыскать источники финансирования на МИД. Из-за позиции Минфина существуют серьезные проблемы по выполнению российской стороной обязательств, вытекающих из этих соглашений, а именно содержание иностранных воинских захоронений на территории России (за исключением немецких). За все время действия соглашений, которые по некоторым странам составляют 15 лет, Россия не выделила средств из госбюджета на выполнение обязательств. Все деньги изыскивались либо за счет долга СССР этим странам, либо за счет других источников. Такое положение дел может привести к тому, что Венгрия, Словакия, Польша и Чехия просто откажутся ухаживать за нашими воинскими захоронениями.

О том, что международное сотрудничество приносит видимые результаты, говорит недавно прошедшая акция: 15 немцев из батальона отдельного почетного караула г. Берлина прибыли в распоряжение ОСПБ и работали с нашими солдатами в одном подразделении. Был организован полувзвод, 2 недели шла совместная работа на «Синявинских высотах». Однако там не проводили эксгумации (немцы не занимаются поисковыми мероприятиями); они лишь только ухаживали за воинскими захоронениями. 4 ноября российская делегация вылетела в Берлин для ухода за нашими захоронениями.

Непосредственно в России МО РФ ведет работу по следующим направлениям: помощь межрегиональным поисковым объединениям выделением имущества МО РФ в акт временного безвозмездного пользования; работа над созданием федерального военного мемориального кладбища, где будут захоронены люди, имеющие заслуги перед государством (к 65-летию Победы работа должна быть закончена); разработка системы наград: медаль МО РФ «За заслуги в увековечении памяти погибших защитников Отечества» и знак за отличие в поисковом движении трех степеней, кроме того, остается знак «За активный поиск».

Доклад заведующего отделом Института проблем информатики Академии наук Республики Татарстан, председателя совета «Объединения “Отечество” Республики Татарстан» А.Ю. Коноплева был посвящен применению геоинформационных систем в поиске. Однако, по словам А.Ю. Коноплева, основная масса поисковиков, работающая старыми, непозволительными уже методами, не готова к профессиональной работе. Пришло время для создания Всероссийского научного информационно-методического координационного центра.

В ответ на выступление А.Ю. Коноплева полковник А.Л. Таранов заявил, что применять геоинформационные системы все поисковики, работающие на территориях, по которым

имеются карты и прочие данные. Но, к сожалению, по некоторым периодам времени и областям не сохранилось документов вообще.

По вопросу о проблемах прочтения вкладышей солдатских медальонов начальник Экспертно-криминалистического центра (ЭКЦ) при МВД Республики Коми подполковник милиции С.Л. Солодянкин предложил командировать своих криминалистов в поисковые экспедиции с согласия МВД Республики Коми.

С докладом об актуальности продолжения работы над «Книгой Памяти» выступил на семинаре директор Центра социологических и маркетинговых исследований «СИМИ» г. Ростов-на-Дону, председатель межрегиональной общественной организации «Южный рубеж» В.К. Щербанов. В частности, он сказал, что «Книга памяти» сегодня должна представлять уже не список погибших и пропавших без вести, а это должна быть объединенная компьютерная база данных по территориям, которых коснулась Отечественная война и на которых ведется поисковая работа.

Прослушав доклад Т.В. Яшковой, заместителя председателя молодежной поисковой областной организации «Долг» (г. Киров) «Формирование патриотизма у учащейся молодежи в системе поисковой работы (на примере реализации авторской программы)», представители поисковых объединений России пришли к выводу, что анкетирование по разработанной Т.В. Яшковой методике необходимо провести через Роспатриотцентр по всей стране. Это исследование поможет выявить, действительно ли деятельность по увековечению памяти погибших приводит к формированию чувства патриотизма у людей, принимающих в ней участие.

По окончании двух дней работы участниками форума и семинара-совещания были предложены следующие рекомендации: во-первых, для повышения авторитета России и утверждения исторической правды о ее вкладе в победу над фашизмом, формирования здорового патриотизма и противодействия националистическим течениям в молодежной среде, предложить Росвоенцентру при Правительстве РФ предусмотреть при разработке мероприятий государственной программы «Патриотическое воспитание граждан РФ на 2011—2015 годы» целевую государственную поддержку проведения научных исследований, авторских программ, пропагандирующих темы патриотизма, культуры исторической памяти, изучения проблемы увековечения памяти защитников Отечества, финансирование научных конференций и форумов по данной проблематике; во-вторых, обращая внимание на восстановление исторической справедливости в отношении павших воинов, считавшихся «без вести пропавшими», чьи имена установлены в ходе поисковых работ, и реабилитации их статуса, просить ВМЦ ВС РФ активизировать работу по переучету безвозвратных потерь в Великой Отечественной войне, основываясь, в том числе, на результатах поисковых экспедиций «Вахт Памяти»; с целью определения максимально объективной цифры категории «без вести пропавших» рекомендовать внесение изменений и дополнений в реализуемый проект «Объединенная база данных “Мемориал”»; в-третьих, учитывая консолидацию в рядах поискового движения наиболее активной, патриотически настроенной допризывной молодежи, приобретение ею навыков производства поисковых работ, просить МО РФ рассмотреть возможность прохождения срочной службы в поисковом батальоне в первую очередь членам поисковых организаций; в-четвертых, с целью повышения уровня профессионализма, подготовки молодых поисковиков просить Федеральное агентство по образованию Минобрнауки России увеличить финансирование на издание разработанных поисковиками методических пособий и рекомендаций, реализацию авторских программ по проведению поисковых работ и мероприятий по патриотическому воспитанию на основе поисковой деятельности; в-пятых, поддержать инициативу общественной молодежной организации

Коми-республиканского поискового объединения “Северное Созвездие” по обращению в Государственный Совет Республики Коми о принятии нормативно-правового документа, определяющего статус региональной уполномоченной организации на осуществление поисковой деятельности как на территории Республики Коми, так и за ее пределами; рекомендовать в настоящем документе отразить вопросы, регламентирующие финансовое обеспечение проводимых работ по увековечению памяти павших защитников Отечества, и на примере этой работы — патриотического воспитания молодежи Республики Коми; в-шестых, создать единый информационный, методический центр общественного поискового движения, унификации документоведения по итогам поисковых экспедиций; с целью выстраивания отношений и диалога разрозненных поисковых организаций и объединений с федеральными государственными органами власти и управления руководители, представители региональных поисковых организаций поддержали предложение о необходимости объединения поисковых формирований в общероссийскую общественную организацию.

ВОИНСКОЕ ОБУЧЕНИЕ И ВОСПИТАНИЕ

БАБУРИН Алексей Юрьевич —

учитель истории (Москва)

АЛЕКСАНДРОВСКОЕ ВОЕННОЕ УЧИЛИЩЕ

СЕРЕДИНА XIX века вошла в историю нашего государства как время великих преобразований практически во всех сферах жизни российского общества. Одним из важных направлений стали военные реформы 1861—1874 гг., проводившиеся по инициативе и под руководством военного министра Д.А. Милютина. При этом особое внимание уделялось подготовке офицерских кадров. 12 октября 1862 года было принято решение о создании военных училищ¹.

Первыми в 1863 году были открыты пехотные училища: Константиновское и Павловское в Петербурге и Александровское в Москве. Воспитанников этих училищ стали называть юнкерами. Слово «юнкер» пришло в Россию из Пруссии. «Jungherr» (молодой господин) — так называли молодых людей дворянских фамилий и в родительском доме, и при поступлении на военную службу.

Московское Александровское военное училище было основано по высочайшему повелению от 25 августа 1863 года императором Александром II на месте упраздненного в том же году Александринского сиротского кадетского корпуса. Сам государь император стал первым шефом училища. В царствование императора Александра III, вступившего на престол в 1881 году, училище получило название Третьего Московского военного Александровского училища, а Александр III стал его вторым шефом. Последним шефом училища был император Николай II, а с 1908 года в его списках числился наследник цесаревич великий князь Алексей Николаевич.

Согласно приказу по военному ведомству № 188 от 1891 года училище стало вновь именоваться просто Александровским, его праздник был установлен 23 апреля.

Место, где расположилось училище, имеет очень интересную и давнюю историю. В царствование Ивана Грозного на углу улицы Воздвиженки находился двор боярина Федора Ивановича Пожарского. В середине XVI века в этом районе поселились опричники (ныне следы опричнины остались только в названиях, указывавших на род занятий служащих царского двора: Поварская улица, Хлебный, Трубный и Конюшенный переулки). На месте будущего училища, на улице Знаменке, стоял небольшой дворец Ивана Грозного.

В 1605 году в конце села Ваганьково находилась застава, охранявшаяся Григорием Леонтьевичем Валуевым. Он верно служил Василию Шуйскому, участвовал в походе на Тулу, в обороне Москвы от «тушинского вора». К 1608 году относятся упоминания о церкви Знамения Пресвятой Богородицы, от которой и происходит название улицы Знаменки, а также о доме боярина Ивана Никитича Романова², поместье которого занимало почти всю площадь от Никитских ворот до Воздвиженки. Позднее поместье перешло к Нарышкиным³. В 1800 году часть этих владений была куплена графом Н.П. Шереметьевым⁴.

Напротив владений боярина Романова на Воздвиженке возвышался дом Василия Ивановича Стрешнева⁵, который в 1675 году перешел к отцу царицы Натальи Кирилловны Нарышкиной боярину Кириллу Полуэктовичу⁶. Рядом с этим зданием в 1671 году был построен дом боярина Ивана Богдановича Милославского⁷, перешедший в 1716 году к князю Василию Лукичу Долгорукову, члену Верховного тайного совета⁸. После расправы над князем в 1739 году дом остался за грузинским царевичем Георгием.

Внизу улицы Знаменки, за Моховой, построил дом граф Никита Моисеевич Зотов, любимец Петра I и его наставник с пятилетнего возраста. Напротив него располагался дворец государыни цесаревны Екатерины Ивановны, дочери Ивана Алексеевича. Далее, вверх по Знаменке, стояли хоромы князя Федора Ивановича Голицына⁹ и графа Павла Ивановича Ягужинского¹⁰, а за Малым Знаменским переулком — дома князя И.М. Оболенского и бригадира А.К. Петрово-Соловова. Обе усадьбы стояли на месте бывшего двора боярина И.Н. Романова и отделялись друг от друга Большим Знаменским переулком, который назывался Малой Знаменской улицей. Часть этой улицы, от Антиповского переулка, называлась Ржевским переулком. Из этих домов впоследствии и был составлен ансамбль зданий Александровского военного училища <...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала»

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Даты приводятся по старому стилю.

2 Романов Иван Никитич, брат патриарха Филарета и дядя первого царя из рода Романовых Михаила Федоровича, стольник. В 1601 г. сослан в Пелым, в 1602 г. переведен в Нижний Новгород. Вскоре возвращен в Москву. В 1606—1607 гг. был воеводой в городе Козельске. При Михаиле Федоровиче играл видную роль, руководя преимущественно внешними делами. Умер в 1640 г.

3 Нарышкины, русский дворянский род из мелкопоместных татарских помещиков, известный с середины XVI в. Нарышкины выдвинулись на политическую арену в 1671 г., после второго брака царя Алексея Михайловича, женившегося на Наталье Кирилловне Нарышкиной (1651—1694), будущей матери Петра I. Воцарение Петра I в 1689 г. привело к новому возвышению Нарышкиных. В правлении государством заметную роль стали

играть Наталья Кирилловна, Лев Кириллович — дядя Петра I, начальник Посольского приказа и одно из главных лиц в управлении государством. С начала XVIII века роль Нарышкиных упала, но вплоть до Александра I и позднее они, занимая видные придворные должности, оказывали заметное влияние на государственную политику России.

4 Шереметьев Николай Петрович (1751—1809), граф, сенатор, обер-камергер двора, основатель Странноприимного дома в Москве, владелец одного из лучших крепостных театров, меценат.

5 Стрешнев Василий Иванович (1707—1782), сенатор, сын стольника И.Р. Стрешнева, состоявшего в отдаленном родстве с царицей Стрешневой Евдокией Лукьяновной, бабкой императора Петра I.

6 Нарышкин Кирилл Полуэктович (1623—1691), боярин, окольныйничий. Участвовал в подавлении восстания Степана Разина. Оставался «Москву видеть» во время отъездов царя Алексея Михайловича. Его сыновья погибли в 1682 г. во время стрелецкого восстания.

7 Милославский Иван Богданович, боярин, двоюродный брат царицы Марии, самый выдающийся из рода Милославских. В 1670 г. был воеводой в городе Симбирске. Руководил обороной Симбирска во время осады города войсками Степана Разина. В 1670 г. настиг в Астрахани атамана Федора Шелудяка и занял город. Впоследствии был воеводой в Казани. Особенно видную роль играл при царе Федоре Алексеевиче.

8 Долгоруков Василий Лукич (ок. 1670—1739), князь, русский дипломат, один из авторов проекта ограничения власти Анны Иоанновны, член Верховного тайного совета. В 1730 г. заточен в Соловецкий монастырь, в 1739 г. казнен.

9 Голицын Федор Иванович, генерал-майор, участник русско-турецких войн времен Анны Иоанновны. К началу царствования Елизаветы Петровны вышел в отставку и поселился в Москве.

10 Ягужинский Павел Иванович (1683—1736), граф, генерал-аншеф, генерал-прокурор, кабинет-министр. Ближайший сподвижник Петра I.

ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

ГЕРАСИМОВ Василий Леонидович —

заместитель начальника управления Института военной истории МО РФ, полковник, кандидат исторических наук (Москва)

РАЗВИТИЕ МОРСКОЙ АВИАЦИИ В СОСТАВЕ ВВС РККА. 1920—1937 ГГ.

В целях централизации управления авиационными организационными структурами приказом Реввоенсовета (РВС) Республики от 25 марта 1920 года № 447/78 морская

авиация была выведена из состава Рабоче-крестьянского Красного флота и передана Рабоче-крестьянскому Красному воздушному флоту (РККВФ)¹, оставаясь в подчинении морского командования только в оперативном отношении.

С начала апреля 1920 года руководство всеми авиационными, воздухоплавательными и гидроавиационными бригадами, дивизионами и отрядами было возложено на Главное управление РККВФ (Главвоздухфлот), в котором был создан отдел морской авиации и введена должность помощника начальника Главвоздухофлота по гидроавиации.

В соответствии с приказом РВС Республики от 26 декабря 1920 года № 2874/574 учреждаются должности начальников Воздушного флота Балтийского, Черного и Азовского морей, в следующем году штабы воздушных бригад преобразуются в штабы Воздушных флотов морей, на них стали замыкаться по два гидроавиационных дивизиона, каждый из которых состоял из двух гидро-и одного морского истребительного отрядов.

В октябре 1920 года Реввоенсовет Республики утвердил и ввел в действие три руководящих документа: положения о морской авиации РСФСР в военное время, о начальнике Воздушного флота моря и состоящем при нем штабе и о воздушном гидродивизионе.

На апрель 1920 года советская военная авиация насчитывала всего 228 самолетов³, из них 96 имела морская авиация: на Балтике — 36 гидросамолетов и 13 истребителей; на Черном и Азовском морях — 33 и 14. Исправность самолетного парка составляла всего лишь 36 проц.

Начавшееся после X съезда РКП(б) (март 1921 года) сокращение Вооруженных сил коснулось и морской авиации: на 1 января 1924 года она располагала всего лишь 36 летательными аппаратами⁴.

Назрела необходимость коренной реорганизации всей военной сферы, в частности системы военного руководства. В апреле 1924 года РККВФ был переименован в Военно-воздушные силы РККА, а его Главное управление — в Управление Военно-воздушных сил. В сентябре 1924 года был принят трехлетний план развития ВВС РККА, который после уточнения и утверждения Советом труда и обороны (СТО) и ЦК РКП(б) предусматривал доведение численности самолетного парка до 1000 боевых машин. Со второй половины 1920-х годов начался, пусть и не быстрый, но все же рост численного состава морской авиации. В 1927 году она располагала уже 68 самолетами, а на следующий год их число уд-воилось⁸. В дальнейшем количество крылатых машин в составе Морских сил РККА продолжало увеличиваться: к июлю 1932 года имелось до 300 самолетов и гидросамолетов.

В ноябре 1925 года воздушные флоты Балтийского, Черного и Азовского морей преобразуются в военно-воздушные силы, которые с середины 1927 года стали включать в свой состав тяжелую (бомбардировочную), истребительную и авиацию ближней разведки. В 1928 году на флотах началось формирование, как и в ВВС РККА в целом, авиационных бригад. На следующий год на Балтике, Черном и Азовском морях уже насчитывалось по одной авиационной бригаде и по несколько отдельных отрядов морской авиации. Типовая бригада состояла из штаба, одной или нескольких эскадрилий, а также отрядов и подразделений авиационно-технического обслуживания. Тогда же подразделения тыла были выведены из состава отрядов и эскадрилий и на их основе создавались авиапарки — новые формирования для материально-технического обслуживания бригад, отдельных эскадрилий и отрядов. В составе авиабригады предусматривалось создание школы

младших авиационных специалистов, по одной на флоте, а также строительство полигонов боевой подготовки. Кроме этого, морская авиация имела и особенности в организационном подчинении: не все эскадрильи входили в состав авиабригад, имелись также отдельные авиационные эскадрильи, подчинявшиеся непосредственному командующему ВВС моря. Так, в 1926 году на Черном море была сформирована миноносная эскадрилья, положившая начало строительства в нашей стране миноносной — позднее минно-торпедной авиации. Это стало новым направлением в строительстве отечественной морской авиации.

Именно в 20-е годы XX века стал подниматься вопрос и о постройке в СССР авианосцев, учитывая, что в составе флотов крупных морских держав к 1925 году уже имелись авианосцы, приспособленные для взлета и посадки колесных самолетов.

Правда, строительство авианосцев требовало огромных затрат, поэтому решили пойти по облегченному пути: переоборудовать под авиатранспорты пассажирские и грузовые теплоходы. К ним предъявлялись следующие требования: водоизмещение — 4000—7000 т, скорость — 10—12 узлов, район плавания 300—600 миль, возможность принимать на корабль 6—8 самолетов (4 — в трюм и 2—4 самолета на палубу). Планом развития Военно-морских сил РККА на вторую пятилетку (1932—1937 гг.) предполагалась потребность в 32-х авиатранспортах (8 — для Черноморского, 12 — Тихоокеанского, 6 — Северного флота и 6 — для Каспийской флотилии). Однако и эту программу реализовать не удалось <...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала»

ИЗ ИСТОРИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОТИВОБОРСТВА

ГУЖВА Дмитрий Геннадьевич —

адъюнкт кафедры истории Военного университета МО РФ, майор (Москва)

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОТИВОБОРСТВО ЗА ВЛИЯНИЕ В РУССКОЙ АРМИИ

По материалам военной печати 1917—1918 гг.

Первая мировая война явилась переломным этапом и испытанием для всех политических партий. У каждой партии, борющейся за власть, — две главные заповеди: привлечение на свою сторону общественного мнения и обеспечение поддержки армии. Победу обычно одерживают те, которым удается соблюсти оба условия. В России за влияние в армии в годы Первой мировой войны в той или иной мере боролись почти все партии. Это была одна из важнейших сфер классовой борьбы. После Февральской революции борьба за влияние в армии развернулась как на фронте, так и в тылу. Классовый характер партий подсказывал, где и среди каких категорий военнослужащих они могут добиться успеха, куда необходимо направить свои главные усилия.

Конституционно-демократическая партия (кадеты) свое основное внимание сосредоточила на 100-тысячном офицерском корпусе. Это совсем не означало, что она не

пытались привлечь на свою сторону нижних чинов, но здесь в меньшей степени можно было рассчитывать на успех. Мелкобуржуазным партиям — эсерам и социал-демократам (меньшевикам) не приходилось рассчитывать на понимание со стороны генералитета и офицеров. Объектом их пропаганды были унтер-офицеры и нижние чины. Большевистское крыло социал-демократической партии свое внимание сосредоточило на наиболее многочисленной солдатской массе.

В начале войны в армию было мобилизовано 15 млн человек — 47,4 проц. всего трудоспособного мужского населения страны¹. Русская армия в подавляющем большинстве состояла из крестьян.

После Февральской революции, для завоевания армии, все крупные партии создали на фронте и в тылу собственные партийные организации, которые проводили митинги и распространяли среди солдат и офицеров печатную продукцию.

Эсеры и меньшевики в борьбе за привлечение на свою сторону армейских частей использовали военные отделы Советов. На фронт ехали их представители, направлялось большое количество партийной литературы. С марта по август 1917 года в действующую армию было послано более 2270 тыс. экземпляров газет («Известия», «Дело народа», «Рабочая газета», «Голос солдата»), 1500 тыс. экземпляров воззваний и около 550 тыс. экземпляров брошюр².

Большевики тоже прекрасно понимали значение армии в достижении своих политических целей и, имея опыт военно-боевой работы, широко его использовали, для того чтобы склонить ее сражаться под красными знамёнами. Важной формой агитационной работы в армии была печатная пропаганда: прокламации, брошюры, а также листовки, выпускавшиеся большими тиражами к годовщинам Кровавого воскресенья, Ленского расстрела, 1 Мая. Листовки не требовали сложной типографской техники, могли издаваться при сравнительно небольших материальных затратах. Немаловажным обстоятельством являлось то, что выпускать их можно было быстрее, а распространять проще, нежели газеты или журналы. За годы войны большевикам удалось выпустить более 600 различных листовок общим тиражом около 2 млн экземпляров³.

Написанные доступным языком, призывавшие к революционным выступлениям и протестовавшие против войны, большевистские прокламации распространялись на фронте и в тылу самыми различными путями: через членов партии, имевших связи с солдатами запасных частей, мобилизованных в армию большевиков и рабочих, солдат-отпускников; листовки вкладывались в газеты и журналы, которые доставлялись в армию. Раненые солдаты в военных госпиталях и лазаретах снабжались книгами и брошюрами революционного содержания.

Ставка с самого начала войны старалась воспрепятствовать проникновению революционной пропаганды в армию. В декабре 1914 года в телеграмме начальнику штаба 1-й армии генерал-майору К.К. Балову от начальника штаба главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта генерала от кавалерии В.А. Орановского сообщалось, что «по полученным агентурным сведениям, так называемые пацифистские общества наряду с революционными кружками стремятся использовать в больших размахах доставку органов печати в действующую армию, госпитали и лазареты, а также в эшелоны с войсками, в целях распространения революционных и пацифистских воззваний путем вкладывания таковых в газеты и журналы. Главнокомандующий приказал предупредить штабы армий, чтобы в войска не пропускали никакие издания, исходящие от общества «Мир» и ему подобных пацифистских организаций»⁴.

В январе 1915 года в телеграмме Главного управления почт и телеграфов в адрес начальников почтово-телеграфных округов говорилось, что «по имеющимся в Главном управлении сведениям, проживающие в России агитаторы различных политических партий стремятся распространять в действующей армии воззвания, призывающие войска воспользоваться своими победами над мировым врагом и предъявить русскому правительству требования осуществления основных идеалов, проповедуемых революционными партиями. Воззвания эти рассылаются ими по почте в посылках лицам, находящимся в действующей армии, причем сами посылки отправляются с соблюдением всех мер предосторожности, как-то: в ящиках с двойным дном, под подкладкой одежды и т.д.»⁵. Ввиду этого предлагалось немедленно распорядиться, чтобы при приеме на почту посылок на имя лиц, находящихся в действующей армии, осмотр вложений в них производился вполне благонадежными чинами и притом самым тщательным образом <...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала»

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Капшуков С.Г. Борьба большевистской партии за армию в период Первой мировой войны. М., 1957. С. 17.
- 2 Голуб П.А. Партия, армия и революция. М., 1967. С. 54.
- 3 Бережной А.Ф. Русская легальная печать в годы Первой мировой войны. Л., 1975. С. 43.
- 4 Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2106. Оп. 1. Д.1003. Л.10.
- 5 Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1234. Оп. 1. Д. 655. Л. 5.

ИСТОРИЯ ВОЕННОЙ РАЗВЕДКИ

КАРЕЛИН Владимир Анатольевич —

научный сотрудник Мурманского государственного педагогического университета, кандидат исторических наук (г. Мурманск)

РУССКАЯ РАЗВЕДКА В ШВЕЦИИ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Утром 4 августа 1914 года в королевской резиденции в Стокгольме официального приема ожидали два русских дипломата. Посланник России в Швеции Анатолий Васильевич Неклюдов, следуя протоколу, намеревался представить королю нового военного атташе императорской дипломатической миссии подполковника Д.Л. Кандаурова, недавно прибывшего в шведскую столицу. Оба дипломата волновались: только что началась война, получившая затем в истории название Первой мировой. 1 августа (19 июля ст. ст.) Германия объявила войну России, 3 августа (21 июля) — Франции, а 4 августа (22 июля) Великобритания объявила войну Германии. Многие теперь в расстановке сил на

важнейшем для России Балтийском театре военных действий и на Русском Севере в целом зависело от позиции шведского правительства. А в нем, как хорошо было известно русским дипломатам и военным, были влиятельны германофильские круги, к которым по преимуществу принадлежали консервативно настроенное шведское дворянство, генералитет и офицерский корпус, лютеранское духовенство, университетская профессура и королевский двор.

В Петербурге в этих условиях хотели знать, сохранит ли свой нейтралитет самое сильное в военном отношении скандинавское государство.

По позднейшим воспоминаниям А.В. Неклюдова, само согласие шведского правительства на представление Кандаурова королю в той обстановке имело политическое значение. «Я ждал ответа [от шведских властей] по мере развертывания событий, — писал он, — с все более растущим нетерпением и беспокойством. Если король примет нас, это будет хороший знак; если же он откажет в аудиенции, то могут оправдаться наши самые худшие опасения».

К своему облегчению русский посланник получил в конце концов положительный ответ на свой запрос. Официальное представление шведскому королю нового русского военного агента состоялось, однако, по свидетельству Неклюдова, Густав V во время краткой аудиенции был подчеркнута холоден. «Инцидент с Ассановичем, — отметил в мемуарах дипломат, — был все еще слишком свеж в памяти».

Современники хорошо понимали, что стояло за этой многозначительной фразой мемуариста: речь шла о шпионском скандале, связанном с предшественником Кандаурова на посту военного агента в Скандинавских странах подполковником П.Л. Ассановичем.

Этот эпизод в последующем нашел некоторое отражение в трудах шведских исследователей, в советской же исторической литературе, напротив, упоминание о «деле Ассановича» встречается крайне редко.

Причины этого объяснимы. Первая мировая война, а затем период революционных потрясений в России отодвинули далеко на второй план это событие. Сказались и долго сохранявшаяся в СССР недоступность для гражданских исследователей архивов военной разведки, и тот факт, что над советскими историками довлели определенные ограничения, обусловленные политическими и идеологическими соображениями. Не следует забывать, что и в эпоху новейшей истории отношения СССР и Швеции складывались не менее сложно, чем у его предшественницы — царской России.

Лишь с начала 1990-х годов, когда в России стали доступны последователям ранее закрытые архивные фонды, появилась возможность познакомиться с документами, проливающими свет на эту полузабытую страницу в истории русско-шведских отношений.

Начало событий следует отнести к тому периоду в истории Европы, который был отмечен лихорадочными вооружениями больших и малых держав и небывалой разведывательной активностью дипломатических и военных ведомств. Не стала исключением и Россия. Потерпев в 1904—1905 гг. унижительное поражение в войне с Японией на Дальнем Востоке, русская военная элита была полна решимости не повторить допущенных промахов. Тем более что предстояла новая схватка, на сей раз с гораздо более сильным и опасным соперником — блоком Германии и Австро-Венгрии.

В ходе военных реформ в России, толчок которым дала неудачная война с Японией, особое внимание было обращено на организацию военной разведки сухопутных и морских сил. Особенно энергично, как отмечают специалисты, взялись за укрепление нелегальной разведки. В 1911 году соответствующие расходы по Военному министерству были увеличены по сравнению с 1906 годом более чем в 10 раз, и на этом уровне они поддерживались до самого начала войны.

С развернутой программой создания тайной морской разведки выступили и сторонники преобразований во флоте, о чем в 1907 году в морском ведомстве было принято соответствующее решение, а исполнение его поручено недавно образованному Морскому генеральному штабу (МГШ). Для более эффективного руководства агентурной разведкой в мае 1914 года в МГШ «в виде опыта» учредили особое делопроизводство, руководитель которого напрямую подчинялся начальнику штаба. Добытые сведения передавались для изучения и анализа в иностранное отделение штаба. Расходы на содержание морской разведки росли так же быстро, как и сухопутной, но поскольку Германия в это время уже тратила на свою нелегальную морскую разведку средства, эквивалентные полумиллиону рублей, а Австро-Венгрия довела соответствующие расходы до 350 тыс. рублей, Россия все же отставала в этом отношении от своих вероятных противников <...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала»

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ

Публикация: ЖАРСКИЙ Анатолий Петрович —

старший научный сотрудник Института военной истории МО РФ, подполковник в отставке, кандидат военных наук (Санкт-Петербург)

П.М. КУРОЧКИН

«ВОЙСКА СВЯЗИ ДОЛЖНЫ БЫЛИ ВСТУПИТЬ В ВОЙНУ РАНЬШЕ, ЧЕМ ВСЕ ОСТАЛЬНЫЕ РОДА ВОЙСК»

Эта рукопись одного из старейших советских военных связистов Павла Михайловича Курочкина хранилась у меня без малого четверть века. Передала ее мне в то время, когда я был адъюнктом кафедры истории военного искусства Военной академии связи супруга покойного генерала для подготовки к публикации. Правда, воспоминания П.М. Курочкина увидели свет в 1969 году, то есть еще при его жизни (он умер в 1970 г.), но только отдельными фрагментами, поскольку в полном объеме по цензурным соображениям они в то время не могли быть изданными.

Коротко расскажу об авторе.

Павел Михайлович Курочкин родился в пос. Горки Ногинского района Московской области 110 лет тому назад — 12 декабря 1897 года. Его военная служба началась в 1-м запасном телеграфном батальоне в 1916 году. Он участвовал в Первой мировой войне, имея чин унтер-офицера. В Красной армии — с июня 1918 года, участник Гражданской

войны, во время которой был сперва старшиной, а затем командиром роты связи. После учебы на Ленинградских курсах усовершенствования командного состава получил назначение (1925 г.) в Украинский военный округ начальником связи 8-го стрелкового корпуса. В 1932 году был зачислен адъюнктом кафедры службы связи Военно-технической академии РКК после ее окончания. В 1934 году назначен начальником связи Приморской группы войск (г. Уссурийск), а в 1935-м — начальником связи Сибирского военного округа.

В 1940 году Павел Михайлович становится начальником связи Прибалтийского Особого военного округа, преобразованного с началом войны в Северо-Западный фронт, а пять лет спустя — заместителем начальника войск связи Ставки Главнокомандования советских войск на Дальнем Востоке. В послевоенные годы он возглавлял кафедру связи Военной академии имени М.В. Фрунзе, стал доктором военных наук, профессором.

Все тревожнее и тревожнее становилась в канун войны жизнь в Прибалтике. В штабе округа, по данным разведки, отмечалось сосредоточение германских войск на границе. Между тем в наших газетах сообщалось, что эти действия германских войск не имеют ничего общего с подготовкой войны против Советского Союза. Так, за несколько дней до начала войны по радио было передано сообщение ТАСС, в котором указывалось: «По данным СССР, Германия так же неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта о ненападении, как и Советский Союз, ввиду чего, по мнению советских кругов, слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы, а происходящая в последнее время переброска германских войск, освободившихся от операций на Балканах, в восточные и северо-восточные районы Германии связана, надо полагать, с другими мотивами, не имеющими касательства к советско-германским отношениям».

Такие сообщения, видимо, обуславливались внешнеполитическими мотивами, но они не освобождали нас, военных работников, от необходимости быть готовыми к началу войны, от проведения всех мероприятий по обеспечению боеготовности войск.

Войска округа, располагавшиеся на границе, строили полевые укрепления. Всюду проверялась боевая готовность. Вдоль границы с Восточной Пруссией возводились долговременные сооружения. Однако в проведении этих мероприятий было много недостатков: не хватало транспорта, строительных материалов, рабочей силы; несвоевременно подготавливались проекты долговременных сооружений.

Имелись серьезные недостатки и в боеготовности войск. Так, за неделю до начала войны в приказе войскам Прибалтийского Особого военного округа перечислялись недостатки, выявленные при проверке боевой готовности войск округа. В приказе, в частности, отмечалось, что «немалое количество командиров живет и работает старыми порочными методами, совершенно не понимая современной международной обстановки и не понимая главного, что именно сегодня, как никогда, мы должны быть в полной боевой готовности».

Нас, связистов, заботило обеспечение управления войсками. Мы отчетливо представляли себе, что в случае нападения Германии на Советский Союз прежде всего понадобится устойчивая связь. Она нужна будет для оповещения войск о нападении вражеской авиации, передачи распоряжений о боевой тревоге, управления войсками при их выдвижении и ведении боевых действий, для управления авиацией и средствами противовоздушной обороны. Войска связи должны были вступить в войну раньше, чем все остальные рода войск. Изучая опыт уже гремевшей Второй мировой войны, мы знали,

что наш вероятный противник будет стремиться разрушить связь, так как это приведет к нарушению управления, а неуправляемую армию легче победить.

Однако обеспечение устойчивой связи фронта в случае возникновения войны представляло собой большую и сложную задачу. Чтобы решить ее, необходимо было подготовить связь на Прибалтийском театре военных действий <...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала»

ВОСПОМИНАНИЯ И ОЧЕРКИ

ИВАНОВ Евгений Александрович —

полковник в отставке (Москва)

КРИКСУНОВ Яков Самойлович —

полковник в отставке (Москва)

МОСТ ЧЕРЕЗ РЕКУ ТУЛОМУ. ТРУДОВОЙ ПОДВИГ ИНЖЕНЕРНЫХ ВОЙСК В МИРНОЕ ВРЕМЯ

Представившие редакции нашего журнала свои совместные воспоминания о выполнении не совсем обычного для инженерных войск правительственного задания полковники в отставке Е.А. Иванов и Я.С. Криксунов* — непосредственные участники этого примечательного события. Первый из них являлся ответственным исполнителем проекта и куратором «с самыми широкими полномочиями» от инженерного управления Министерства обороны, а второй — руководителем строительных работ, представителем вместе с полковником А.И. Родионовым Северного военного округа.

По мнению авторов публикации, рассказ о том, как офицеры и солдаты, строившие «сталинский мост», стойко преодолевали трудности суровых заполярных осени, зимы и весны, может послужить поучительным и воспитательным примером для нынешнего поколения воинов. Правда, что касается непростых природных условий и сжатых сроков строительства, то инженерным войскам это было не в новинку. Важнее иное: они, как в мирное время, так и в военную пору, как правило, имели дело с низководными и лишь в крайних случаях с высоководными, но деревянными мостами. А тут — тяжеловесная металлическая конструкция! С подобными работами инженерные войска еще не сталкивались. И все же, даже не имея соответствующего опыта, они справились с ответственной задачей. Об этом и пойдет речь в предлагаемой читателям публикации.

В августе 1952 года у поселка Кола, расположенного в нескольких километрах южнее г. Мурманска, силами инженерных войск Министерства обороны во взаимодействии с гражданскими организациями было закончено строительство однопролетного моста через водную преграду. В постановлении Совета министров он именовался как «Мост через р. "Т"». поскольку в этом месте в Кольский залив впадает река Тулома. Однако условия его строительства (колебания уровня воды во время морских приливов и отливов достигали 4,2 м при глубине водной преграды 15 м) ничем не отличались бы, если бы его прокладывали через залив.

Мост под грузы до 60 т с арочной решетчатой фермой из легированной стали, который проектировала организация «Проектстальконструкция» (автор проекта — Г.Д. Попов), имел пролет 162,5 м и наибольшую высоту фермы (в середине пролета) — 24,5 м. Последняя опиралась на береговые бетонные устои, передававшие нагрузку через железобетонные и деревянные сваи на материковую породу (гранит).

Любопытна предыстория появления этого уникального сооружения, рассказанная тогдашним первым секретарем обкома партии Мурманской области В.А. Прокофьевым.

Мурманск из-за отсутствия в то время близкой сухопутной связи через залив с западным берегом развивался только на одном (восточном) берегу. Однако необходимость такой связи остро ощущалась. Вот почему В.А. Прокофьев, встречаясь с председателем Совета министров СССР И.В. Сталиным и докладывая ему о развитии народного хозяйства области, дважды напоминал ему о целесообразности постройки моста. При очередной встрече он вновь затронул эту тему, подчеркнув стратегическое значение будущего объекта. Сталин спросил: «Сколько надо выделить денег?». Не имея проекта, секретарь обкома назвал приблизительную цифру — «миллионов двенадцать—пятнадцать». Позднее, когда был произведен точный расчет, сметная стоимость оказалась меньше — 7 млн рублей, фактически же строителями было затрачено только 3,5 млн.

Постановление Совета министров, подписанное И.В. Сталиным, возлагало строительство моста не на гражданские организации, а на Министерство обороны, что явилось неожиданностью для военных инженеров. Озадачили их и сроки. По указанию И.В. Сталина на строительные работы отводилось 15 месяцев, так как ошибочно учитывалось наличие на месте строительства береговых опор. На самом же деле старые опоры для использования были совершенно непригодны и требовалось возвести новые, причем в очень сложных гидрогеологических условиях.

Озаботившись этим, в Министерстве обороны стали решать кому поручить выполнение поставленной задачи — Управлению по строительству и расквартированию войск или Управлению инженерных войск? Впрочем, производство таких работ выходило за рамки возможности обоих. В конце концов министр обороны Маршал Советского Союза Г.К. Жуков приказал строить мост инженерным войскам.

Многие, даже руководящие лица, стали поговаривать, что проект может оказаться «провальным». Объяснялась такая их позиция многими причинами. В любом, а тем более крупном строительстве существует строгая исполнительская последовательность с использованием соответствующих специалистов. При этом сначала разрабатываются проект самого объекта и проект производства работ по его возведению, затем заказываются необходимые строительные материалы и оборудование, и только после этого решается вопрос о сроках. Возведение же «сталинского моста» происходило с нарушением последовательности каждого этапа строительства. Не было проектов ни объекта в целом, ни береговых опор в частности, тем более что и время возведения моста было задано без проекта производства работ. А без проектной документации нельзя было своевременно заказать все необходимые строительные материалы и оборудование. К тому же для руководителей и кураторов стройки поставленная задача не совмещалась с их основной специальностью. Начальником строительства, к примеру, был назначен командир понтонно-мостового полка полковник И.Ф. Цветков, главным инженером — преподаватель кафедры дорог Военно-инженерной академии имени В.В. Куйбышева инженер-подполковник Г.И. Майборода**. Не отличались нужным опытом и мы — кураторы проекта и работ.

Учитывая это обстоятельство, Инженерное управление назначило консультантами руководителей строительства начальника кафедры мостов Военно-инженерной академии имени В.В. Куйбышева генерал-майора С.А. Ильясевича и преподавателя этой же кафедры инженер-полковника В.А. Ключарева <...>

* Е.А. Иванов и Я.С. Криксунов по своей основной военной специальности были фортификаторами, получившие некоторый опыт мостостроительства в годы Великой Отечественной войны при наведении низководных деревянных переправ. Перед получением ответственного задания в 1951 году оба только закончили Военно-инженерную академию имени В.В. Куйбышева. Е.А. Иванов получил направление в Инженерное управление Министерства обороны СССР, а Я.С. Криксунов — в штаб инженерных войск Северного военного округа и, по его словам, «уже успел проявить себя за два месяца при строительстве в Карелии высоководного 100-метрового моста через бурную реку Шуя с 20-метровыми деревянными фермами ригельно-раскосной системы».

** В самом начале строительства он заменил в этой должности другого преподавателя той же кафедры.

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала»

ФАМИЛЬНЫЙ АРХИВ

ЛИСЕНКОВ Владимир Сергеевич —

инженер (Санкт-Петербург)

ТРИ ЖИЗНИ СЕРГЕЯ ЛИСЕНКОВА

В апреле 1944 года командирам 47 штурмового авиационного полка входившего в состав 11 штурмовой дивизии ВВС Балтийского флота, был назначен Герой Советского Союза подполковник Нельсон Георгиевич Степанян. Сформированный в 1942 году под Оренбургом и успевший повоевать на Черном море, полк сразу же включился в боевую работу: всего на Балтике летчики-штурмовики потопили свыше 50 кораблей и судов противника, в воздушных боях сбили 13 вражеских самолетов. Боевой настрой личному составу задавал сам командир: Нельсон Георгиевич лично совершил около 240 боевых вылетов, но, к сожалению, погиб в неравном воздушном бою 14 декабря 1944 года. Второй медалью «Золотая Звезда» подполковник Степанян был награжден уже посмертно 3 марта 1945 года.

Вместе с Н.Г. Степаняном служил и мой отец — старший сержант Сергей Родионович Лисенков. Он был авиатехником обслуживавшим командирский Ил-2 и связной полковой «кукурузник».

На войну отец попал сразу после окончания Пермского военно-морского авиационно-технического училища. В звании сержанта, имея специальность авиамеханик, он направился к месту службы — в 40 бомбардировочный авиаполк, что располагался в районе г. Джанкоя в Крыму. Едва успел добраться до места назначения — началась война.

Полк, имевший на вооружении самолеты СБ, здорово потрепали, и весной 1942 года оказавшийся «безлошадным» технический состав был направлен под Саранск, в один из запасных авиаполков. Оттуда отца командировали под Оренбург, где формировался 47 штурмовой авиаполк. Отец не раз пытался переквалифицироваться из механика в пилота, но медицинские комиссии выносили неутешительный вердикт — к летной работе не годен.

После Победы служба и жизнь отца круто изменились. В связи с расформированием 47 авиаполка он был переведен в 8 гвардейский авиаполк той же 11 дивизии. Свободного времени стало больше, и 26-летний старший сержант поступил в вечернюю среднюю школу. В 1951 году он ее окончил и всем на удивление поступил в Ленинградскую военно-инженерную академию. В 1957 году лейтенанта С.Р. Лисенкова направляют в 10 НИИ ВМФ на должность помощника ведущего инженера. Другой, уже имея к тому времени семью, двух сыновей, может быть, и успокоился бы на достигнутом, но отец, одаренный от природы пытливым умом и колоссальным трудолюбием, начал заниматься научной работой, в 1973 году защитил кандидатскую диссертацию, за годы службы в институте получил 11 авторских свидетельств на изобретения и был награжден медалью.

В 1974 году С.Р. Лисенков в звании подполковника уволился из Вооруженных Сил. Однако трудиться продолжал и окончательно ушел на отдых лишь в 1988-м. Впрочем, отдыхом это можно было считать лишь условно. Кандидат технических наук увлекся архивной деятельностью и за несколько лет собрал весьма значительный материал об истории 47 штурмового авиаполка. Он написал ряд статей о летчиках и техниках полка, активное участие принимал — вместе с советом ветеранов 11-й авиадивизии — в восстановлении справедливости по отношению к летчику-штурмовику, своему боевому другу Виктору Яковлевичу Глухареву.хлопоты увенчались успехом: за мужество и героизм, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, В.Я. Глухареву в апреле 1995 года было присвоено звание Героя Российской Федерации. Увы, сам герой этого уже не узнал: его жизнь оборвалась в 1978 году. А в 1999 году умер и мой отец, воин и труженик, человек, как бы проживший три жизни, и каждую с максимальной пользой на благо Отечества.

ВОЕННАЯ СИМВОЛИКА

РОЗАНОВ Олег Николаевич —

генерал-лейтенант запаса, кандидат исторических наук (Москва)

ЯПОНСКАЯ НАГРАДНАЯ СИСТЕМА В 1914—1920 ГГ.

С последней четверти XIX века среди приоритетных направлений государственной политики Японии важнейшее место заняли планы вооруженной экспансии и захвата соседних территорий. Для их успешной реализации японское руководство разработало эффективную систему политико-идеологического воздействия и на элитарные слои, и на население страны в целом. Одним из важнейших механизмов реализации государственной политики и идеологии стала наградная система. Ордена и медали вскоре после их учреждения приобрели характер авторитетных символов чести и славы в глазах японского народа. Особое внимание было уделено тому, чтобы они стимулировали представителей разных слоев к военным подвигам во славу императора и государства.

После Русско-японской войны 1904—1905 гг. в истории Японии открылась новая страница. Международный авторитет этой страны резко возрос. Последовательные экспансионистские действия Токио на Корейском полуострове в конце концов завершились аннексией Кореи и ее полной инкорпорацией в 1910 году в Японскую империю в статусе генерал-губернаторства.

Особо важным этапом для Японии стала Первая мировая война. Вступление в нее против Тройственного союза (Австро-Венгрия, Германия, Италия) на стороне Антанты (Великобритания, Россия, Франция) японское правительство официально объясняло выполнением союзнического долга в рамках англо-японского союза. В действительности же в Токио, быстро оценив обстановку, поняли, что, пока силы всех европейских держав скованы войной в Европе, у Японии открываются широкие возможности для экспансии на Дальнем Востоке, прежде всего в Китае.

15 августа 1914 года японское правительство фактически предъявило Германии ультиматум. В нем Берлину было предложено «без всяких условий и без какой бы то ни было компенсации» передать японцам арендуемую им в китайской провинции Шаньдун территорию Цзяочжоу с военно-морской базой Циндао «в целях возвращения Китаю». Весь германский флот должен был покинуть китайские и японские территориальные воды, причем не выполнившие это условие корабли подлежали «разоружению». Для ответа немцам давался срок восемь дней. Как заявило японское правительство, это «дружеское предложение» Германии делалось исключительно в интересах «укрепления мира в Восточной Азии», причем Япония якобы не преследовала целей территориальной экспансии. Уже на следующий день после предъявления ультиматума японские военные корабли начали курсировать в китайских водах, а вскоре японцы высадили десант на находившихся под немецким контролем территориях в Тихом океане — на Маршалловых, Каролинских и Марианских островах. Германия оставила ультиматум без ответа, и 23 августа 1914 года Япония объявила ей войну.

Начав военные действия, японцы захватили Цзяочжоу и железную дорогу Циндао — Цзинань. Операция по взятию крепости Циндао, в которой принимали участие около 30 тыс. японских солдат, заняла два с половиной месяца. Эта активность вызвала большое неудовольствие не только в США, но и у главного японского союзника — Великобритании. Лондон к действиям Токио с самого начала отнесся с подозрением, расценив, что Япония использует войну в Европе для укрепления своих колониальных позиций на Дальнем Востоке.

В декабре 1914 года Англия, Россия и Франция провели консультации, по итогам которых предложили Японии направить войска в Европу и заключить четырехсторонний союз. Однако эти попытки не имели результата. Министр иностранных дел Японии Т. Като заявил английскому представителю, что Япония не может послать войска в Европу, так как вынуждена сохранять крупные силы на Востоке «для защиты своих насущных интересов». Тем не менее русское правительство приветствовало даже формальный союз с Японией, поскольку это давало определенные гарантии дальневосточным владениям России. Надо отметить, что это был один из периодов сближения между двумя странами. Показательно, что в 1915 году Всероссийский земский союз в благотворительных целях выпустил памятные жетоны, посвященные союзникам русских в Первой мировой войне, среди которых был и жетон с японской символикой.

Первая мировая война оказала позитивное влияние на развитие японской экономики. Япония смогла потеснить западные державы не только в Китае, но и на рынках других стран региона и существенно расширить границы своих колониальных владений: помимо

германских концессий в Шаньдуне в качестве «подмандатных территорий» Япония получила Каролинские, Маршалловы и большую часть Марианских островов. Потери же японцев в войне составили всего лишь 2000 убитыми и ранеными.

Успехи внешней политики и результаты военной экспансии этого периода получили идеологическое и политическое отображение в виде очередной государственной награды.

Медаль «За участие в военной кампании 1914—1915 гг.» была учреждена 6 ноября 1915 года. Изготовлена она из черненной бронзы. На аверсе изображены перекрещенные армейский и военно-морской флаги с императорским гербом (хризантема) над ними и листьями павлонии (элемент еще одного императорского символа), а на реверсе — семь расположенных по вертикали иероглифов: «Война 3—4 гг. Тайсе» (1914—1915 гг.). На планке также надпись иероглифами: «Военная медаль». Лента — муаровая, темно-синяя, с белой продольной полосой посередине. Возможно, японцы несколько поспешили с учреждением этой медали: ведь война еще не кончилась. Однако результаты военной кампании 1914—1915 гг. с точки зрения интересов Страны восходящего солнца оказались столь значительны, что не отметить их специальной наградой было просто нельзя <...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала»

ВОСПОМИНАНИЯ И ОЧЕРКИ

Публикация: ДМИТРИЕВА Ольга Руслановна —

научный редактор редакции «Военно-исторического журнала» (Москва)

Н.С. ЛЕСКОВ

КАДЕТСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Читателям «Молодежного Военно-исторического журнала» предлагается рассказ известного писателя Николая Семеновича Лескова, основанный на воспоминаниях видного общественного деятеля XIX века, основателя издательства «Общественная польза» Г.Д. Похитонова о его учебе в Первом Санкт-Петербургском кадетском корпусе.

Глава первая

У нас не переводились, да и не переведутся праведные. Их только не замечают, а если стать присматриваться — они есть. Я сейчас вспоминаю целую обитель праведных, да еще из таких времен, в которые святое и доброе больше чем когда-нибудь пряталось от света. И, заметьте, все не из чернородья и не из знати, а из людей служилых, зависимых, коим соблюсти правоту труднее; но тогда были... Верно и теперь есть, только, разумеется, искать надо.

Я хочу вам рассказать нечто весьма простое, но не лишнее занимательности, — сразу о четырех праведных людях так называемой «глухой поры», хотя я уверен, что тогда подобных было очень много.

Глава вторая

Воспоминания мои касаются Первого петербургского кадетского корпуса, и именно одной его поры, когда я там жил, учился и сразу въявь видел всех четырех праведников, о которых буду рассказывать. Но прежде позвольте мне сказать о самом корпусе, как мне представляется его заключительная история.

До воцарения императора Павла корпус был разделен на возрасты, а каждый возраст — на камеры. В каждой камере было по двадцати человек, и при них были гувернеры из иностранцев, так называемые «аббаты», — французы и немцы. Бывали, кажется, и англичане. Каждому аббату давали по пяти тысяч рублей в год жалованья, и они жили вместе с кадетами и даже вместе и спали, дежуря по две недели. Под их надзором кадеты готовили уроки, и какой национальности был дежурный аббат, на том языке должны были все говорить. От этого знание иностранных языков между кадетами было очень значительно, и этим, конечно, объясняется, почему Первый кадетский корпус дал так много послов и высших офицеров, употреблявшихся для дипломатических посылок и сношений.

Император Павел Петрович как приехал в корпус в первый раз по своем воцарении, сейчас же приказал: «Аббатов прогнать, а корпус разделить на роты и назначить в каждую роту офицеров, как обыкновенно в ротах полковых»*.

С этого времени образование во всех своих частях пало, а языкознание вовсе уничтожилось. Об этом в корпусе жили предания, не позабытые до той сравнительно поздней поры, с которой начинаются мои личные воспоминания о здешних людях и порядках.

Я прошу верить, а лично слышащих меня — засвидетельствовать, что моя память совершенно свежа и ум мой не находится в расстройстве, а также я понимаю слегка и нынешнее время. Я не чужд направлений нашей литературы: я читал и до сих пор читаю не только, что мне нравится, но часто и то, что не нравится, и знаю, что люди, о которых буду говорить, не в фаворе обретаются. Время то обыкновенно называют «глухое», что и справедливо, а людей, особенно военных, любят представлять сплошь «скалозубами», что, может быть, нельзя признать вполне верным. Были люди высокие, люди такого ума, сердца, честности и характеров, что лучших, кажется, и искать незачем.

Всем теперешним взрослым людям известно, как воспитывали у нас юношество в последующее, менее глухое время; видим теперь на глазах у себя, как сейчас воспитывают. Всякой вещи свое время под солнцем. Кому что нравится. Может быть, хорошо и то и другое, а я коротенько расскажу, кто нас воспитывал и как воспитывал, то есть какими чертами своего примера эти люди отразились в наших душах и отпечатались на сердце, потому что — грешный человек — вне этого, то есть без живого возвышающего чувства примера, никакого воспитания не понимаю. Да, впрочем, теперь и большие ученые с этим согласны.

Итак, вот мои воспитатели, которыми я на старости лет задумал хвалиться. Иду по номерам.

Глава третья

№ 1. Директор, генерал-майор Перский (из воспитанников лучшего времени Первого же корпуса). Я определился в корпус в 1822 году вместе с моим старшим братом. Оба мы

были еще маленькие. Отец привез нас на своих лошадях из Херсонской губернии, где у него было имение, жалованное «матушкою Екатериною». Аракчеев хотел отобрать у него это имение под военное поселение, но наш старик поднял такой шум и упорность, что на него махнули рукою и подаренное ему «матушкою» имение оставили в его владении.

Представляя нас с братом генералу Перскому, который в одном своем лице сосредоточивал должности директора и инспектора корпуса, отец был растроган, так как он оставлял нас в столице, где у нас не было ни одной души ни родных, ни знакомых. Он сказал об этом Перскому и просил у него «внимания и покровительства».

Перский выслушал отца терпеливо и спокойно, но не отвечал ему ничего, вероятно потому, что разговор шел при нас, а прямо обратился к нам и сказал:

— Ведите себя хорошо и исполняйте то, что приказывает вам начальство. Главное — вы знаете только самих себя и никогда не пересказывайте начальству о каких-либо шалостях своих товарищей. В этом случае вас никто уже не спасет от беды.

На кадетском языке того времени для занимавшихся таким недостойным делом, как пересказ чего-нибудь и вообще искательство перед начальством, было особенное выражение «подъезозчик», и этого преступления кадеты никогда не прощали. С виновным в этом обращались презрительно, грубо и даже жестоко, и начальство этого не уничтожало. Такой самосуд, может быть, был и хорош и худ, но он несомненно воспитывал в детях понятия чести, которыми кадеты бывших времен недаром славились и не изменяли им на всех ступенях служения до гроба.

Михаил Степанович Перский был замечательная личность: он имел в высшей степени представительную наружность и одевался щеголем. Не знаю, было ли это щегольство у него в натуре или он считал обязанностью служить им для нас примером опрятности и военной аккуратности. Он до такой степени был постоянно занят нами и все, что ни делал, то делал для нас, что мы были в этом уверены и тщательно старались подражать ему. Он всегда был одет самым форменным, но самым изящным образом: всегда носил тогдашнюю треугольную шляпу «по форме», держался прямо и молодецкато и имел важную, величавую походку, в которой как бы выражалось настроение его души, проникнутой служебным долгом, но не знавшей служебного страха.

Он был с нами в корпусе безотлучно. Никто не помнил такого случая, чтобы Перский оставил здание, и один раз, когда его увидели с сопровождавшим его вестовым на тротуаре, — весь корпус пришел в движение, и от одного кадета другому передавалось невероятное известие: «Михаил Степанович прошел по улице!».

Ему, впрочем, и некогда было разгуливать: будучи в одно и то же время директором и инспектором, он по этой последней обязанности четыре раза в день непременно обходил все классы. У нас было четыре перемены уроков, и Перский непременно побывал на каждом уроке. Придет, посидит или постоит, послушает и идет в другой класс. Решительно ни один урок без него не обходился. Обход свой он делал в сопровождении вестового, такого же, как он, рослого унтер-офицера, музыканта Ананьева. Ананьев всюду его сопровождал и открывал перед ним двери.

Перский исключительно занимался по научной части и отстранил от себя фронтную часть и наказания за дисциплину, которых терпеть не мог и не переносил. От него мы видели только одно наказание: кадета ленивого или нерадивого он, бывало, слегка

коснется в лоб кончиком безымянного пальца, как бы оттолкнет от себя, и скажет своим чистым, отчетливым голосом:

— Ду-ур-рной кадет!.. — И это служило горьким и памятным уроком, от которого заслуживший такое порицание часто не пил и не ел и всячески старался исправиться и тем «утешить Михаила Степановича».

Надо заметить, что Перский был холост, и у нас существовало такое убеждение, что он и не женится тоже для нас. Говорили, что он боится, обязавшись семейством, уменьшить свою о нас заботливость. И здесь же у места будет сказать, что это, кажется, совершенно справедливо. По крайней мере знавшие Михаила Степановича говорили, что на шуточные или нешуточные разговоры с ним о женитьбе он отвечал:

— Мне провидение вверило так много чужих детей, что некогда думать о собственных, — и это в его правдивых устах, конечно, была не фраза.

Глава четвертая

Жил он совершенно монахом. Более строгой аскетической жизни в миру нельзя себе и представить. Не говоря о том, что сам Перский не ездил ни в гости, ни в театры, ни в собрания, — он и у себя на дому никогда никого не принимал. Объясняться с ним по делу всякому было очень легко и свободно, но только в приемной комнате, а не в его квартире. Там никто посторонний не бывал, да и по слухам, разошедшимся, вероятно, от Ананьева, квартира его была неудобна для приемов: комнаты Перского представляли вид самой крайней простоты.

Вся прислуга директора состояла из одного вышеупомянутого вестового, музыканта Ананьева, который не отлучался от своего генерала. Он, как сказано, сопровождал его при ежедневных обходах классов, дортуаров, столовых и малолетнего отделения, где были дети от четырехлетнего возраста, за которыми наблюдали уже не офицеры, а приставленные к тому дамы. Этот Ананьев и служил Перскому, то есть тщательно и превосходно чистил его сапоги и платье, на котором никогда не было пылинки, и ходил для него с судками за обедом, не куда-нибудь в избранный ресторан, а на общую кадетскую кухню. Там кадетскими жестряпунами готовился обед для бессемейных офицеров, которых в нашем монастыре, как бы по примеру начальника, завелось много, и Перский кушал этот самый обед, платя за него эконому такую же точно скромную плату, как и все другие.

Понятно, что, находившись весь день по корпусу, особенно по классам, где он был не для формы, а, имея хорошие сведения во всех науках, внимательно вникал в преподавание, Перский приходил к себе усталый, съедал свой офицерский обед, отличавшийся от общего кадетского обеда одним лишним блюдом, но не отдыхал, а тотчас же садился просматривать все журнальные отметки всех классов за день. Это давало ему средство знать всех учеников вверенного ему обширного заведения и не допускать случайной оплошности перейти в привычную леность. Всякий, получивший сегодня неудовлетворительный балл, мучился ожиданием, что завтра Перский непременно его подзовет, тронет своим античным, белым пальцем в лоб и скажет:

— Дурной кадет.

И это было так страшно, что казалось страшнее сечения, которое у нас практиковалось, но не за науки, а только за фронт и дисциплину, от заведования коими Перский, как сказано,

устранялся, вероятно потому, что нельзя было, по тогдашнему обычаю, обходиться без телесных наказаний, а они ему, несомненно, были противны.

Секли ротные командиры, из которых большой охотник до этого дела был командир первой роты Ореус.

Вечер свой Перский проводил за инспекторскими работами, составляя и проверяя расписания и соображая успехи учеников с непройденными частями программы. Потом он много читал, находя в этом большую помощь в знании языков. Он основательно знал языки французский, немецкий, английский и постоянно упражнялся в них чтением. Затем он ложился немного попозже нас, для того чтобы завтра опять встать немного нас пораньше. Так проводил изо дня в день много лет кряду этот достойный человек, которого я рекомендую не исключать со счета при смете о трех русских праведниках. Он и жил и умер честным человеком, без пятна и упрёка; но этого мало: это все еще идет под чертою простой, хотя, правда, весьма высокой честности, которой достигают немногие, однако все это только честность. А у Перского была и доблесть, которую мы, дети, считали своею, то есть нашею, кадетскою, потому что Михайло Степанович Перский был воспитанник нашего кадетского корпуса и в лице своем олицетворял для нас дух и предания кадетства.

Глава пятая

По некоторому стечению обстоятельств мы, ребяташки, сделались причастны к одному событию декабристского бунта. Фас нашего корпуса, как известно, выходил на Неву, прямо против нынешней Исаакиевской площади. Все роты были размещены по линии, а резервная рота выходила на фас. Я был тогда именно в этой резервной роте, и нам, из наших окон, было все видно.

Кто знает графически это положение, тот его поймет, а кто не знает, тому нечего рассказывать. Было так, как я говорю.

Тогда с острова прямо к этой площади был мост, который так и назывался Исаакиевским мостом. Из окон фаса нам видно было на Исаакиевской площади огромное стечение народа и бунтовавших войск, которые состояли из батальона Московского полка и двух рот экипажа гвардии. Когда после шести часов вечера открыли огонь из шести орудий, стоявших против Адмиралтейства и направленных на Сенат, и в числе бунтовавших появились раненые, то из них несколько человек бросились бежать по льду через Неву. Одни из них шли, а другие ползли по льду, и, перебравшись на наш берег, человек шестнадцать вошли в ворота корпуса, и тут который где привалились, — кто под стенкой, кто на сходах к служительским помещениям.

Помнится, будто все это были солдаты бунтовавшего батальона Московского полка.

Кадеты, услышав об этом или увидав раненых, без удержу, но и без уговора, никого не слушая, бросились к ним, подняли их на руки и уложили каждого как могли лучше. Им, собственно, хотелось уложить их на свои койки, но не помню, почему-то это так не сделалось, хотя другие говорят, что будто и так было. Однако я об этом не спорю и этого не утверждаю. Может быть, что кадеты разместили раненых по солдатским койкам в служительской казарме и тут принялись около них фельдшерить и им прислуживать. Не видя в этом ничего предосудительного и дурного, кадеты не скрывались с своим поступком, которого к тому же и невозможно было скрыть. Сейчас же они дали знать об этом директору Перскому, а сами меж тем уже сделали, как умели, раненым перевязку. А

как бунтовщики стояли целый день не евши, то кадеты распорядились также их накормить, для чего, построившись к ужину, сделали так называемую «передачу», то есть по всему фронту передали шепотом слова: «Пирогов не есть, — раненым. Пирогов не есть, — раненым...». Эта «передача»** была прием обыкновенный, к которому мы всегда обращались, когда в корпусе были кадеты, арестованные в карцере и оставленные «на хлеб и на воду».

Делалось это таким образом: когда мы выстраивались всем корпусом перед обедом или перед ужином, то от старших кадет-гренадеров, которые всегда больше знали домашние тайны корпуса и имели авторитет на младших, «шло приказание», передаваемое от одного соседа к другому шепотом и всегда в самой короткой, лаконической форме. Например:

«Есть арестанты — пироги не есть».

Если по расписанию в этот день не было пирогов, то точно такой же приказ отдавался насчет котлет, и несмотря на то, что утаить и вынести из-за стола котлеты было гораздо труднее, чем пироги, мы умели это делать очень легко и незаметно. Да впрочем, начальство, зная наш в этом случае непреклонный ребячий дух и обычай, совсем к этому не придиралось. «Не едят, уносят, — ну и пускай уносят». Худа в этом не полагали, да его, может быть, и не было. Это маленькое правонарушение служило к созиданию великого дела: оно воспитывало дух товарищества, дух взаимопомощи и сострадания, который придает всякой среде теплоту и жизненность, с утратой коих люди перестают быть людьми и становятся холодными эгоистами, неспособными ни к какому делу, требующему самоотвержения и доблести.

Так было и в этот для некоторых из нас очень многопоследственный день, когда мы уложили и перевязали своими платками раненых бунтовщиков. Гренадеры дали передачу:

— Пирогов не есть, — раненым.

И все этот приказ исполнили по всей точности, как было принято: пирогов никто не ел, и все они были отнесены раненым, которые вслед за тем были куда-то убраны.

День кончился по обыкновению, и мы уснули, нимало не помышляя о том, какое мы сделали непозволительное и вредное для наших товарищей дело.

Мы могли быть тем спокойнее, что Перский, который всех более отвечал за наши поступки, не сказал нам ни одного слова осуждения, а напротив, простился с нами так, как будто мы не сделали ничего дурного. Он даже был ласков и тем дал нам повод думать, как будто он одобрил наше ребячье сострадание.

Одним словом, мы считали себя ни в чем не виноватыми и не ждали ни малейшей неприятности, а она была начеку и двигалась на нас как будто нарочно затем, чтобы показать нам Михаила Степановича в такой величии души, ума и характера, о которых мы не могли составить и понятия, но о которых, конечно, ни один из нас не сумел забыть до гроба.

Глава шестая

Пятнадцатого декабря в корпус неожиданно приехал государь Николай Павлович. Он был очень гневен.

Перскому дали знать, и он тотчас же явился из своей квартиры и, по обыкновению, отрапортовал его величеству о числе кадет и о состоянии корпуса.

Государь выслушал его в суровом молчании и изволил громко сказать:

Здесь дух нехороший!

Военный, ваше величество, — отвечал полным и спокойным голосом Перский.

Отсюда Рылеев и Бестужев! — по-прежнему с неудовольствием сказал император.

Отсюда Румянцев, Прозоровский, Каменский, Кульнев — все главнокомандующие, и отсюда Толь, — с тем же неизменным спокойствием возразил, глядя открыто в лицо государя, Перский.

Они бунтовщиков кормили! — сказал, показав на нас рукою, государь.

Они так воспитаны, ваше величество: драться с неприятелем, но после победы призывать раненых, как своих.

Негодование, выразившееся на лице государя, не изменилось, но он ничего более не сказал и уехал.

Перский своими откровенными и благородными верноподданническими ответами отклонил от нас беду, и мы продолжали жить и учиться, как было до сих пор. Обращение с нами все шло мягкое, человеческое, но уже недолго: близился крутой и жесткий перелом, совершенно изменивший весь характер этого прекрасно учрежденного заведения.

Глава седьмая

Ровно через год после декабрьского бунта, именно 14 декабря 1826 года, главным директором всех кадетских корпусов вместо генерал-адъютанта Павла Васильевича Голенищева-Кутузова был назначен генерал-адъютант генерал-от-инфантерии Николай Иванович Демидов, человек чрезвычайно набожный и совершенно безжалостный. Его и без того трепетали в войсках, где имя его произносилось с ужасом, а для нас он получил особенное приказание «подтянуть».

Демидов велел собрать совет и приехал в корпус. Совет состоял из директора Перского, батальонного командира полковника Шмидта (человека превосходной честности) и ротных командиров: Ореуса (секуна), Шмидта 2-го, Эллермана и Черкасова, который перед тем долгое время преподавал фортификацию, так что пожалованный в графы Толь в 1822 году был его учеником. Демидов начал с того, что сказал:

Я желаю знать имена кадет, которые дурно себя ведут. Прошу сделать им особый описок.

У нас нет худых кадет, — отвечал Перский.

Однако же, конечно, непременно одни ведут себя лучше, другие хуже.

Да, это так; но если отобрать тех, которые хуже, то в числе остальных опять будут лучшие и худшие.

Должны быть внесены в список самые худшие, и они в пример прочим будут посланы в полки унтер-офицерами.

Перский никак этого не ожидал и, выразив непритворное удивление, возразил со всегдашним своим самообладанием и спокойствием:

Как в унтер-офицеры! За что?

За дурное поведение.

Нам вверили их родители с четырехлетнего возраста, как вам известно.

Следовательно, если они дурны, то в этом мы виноваты, что они дурно воспитаны. Что же мы скажем родителям? То, что мы довоспитали их детей до того, что их пришлось сдать в полки нижними чинами. Не лучше ли предупредить родителей, чтобы они взяли их, чем ссылать их без вины в унтер-офицеры?

Нам об этом не следует рассуждать, а должно только исполнить.

А! в таком случае не для чего было собирать совет, — отвечал Перский.

Вы бы изволили так сказать сначала, и что приказано, то должно быть исполнено.

Результат был тот, что на другой день, когда мы сидели за учебными занятиями, классы обходил адъютант Демидова Багговут и, держа в руках список, вызывал по именам тех кадет, у которых были наихудшие отметки за поведение.

Вызванным Багговут приказал идти в фехтовальную залу, которая была так расположена, что мы из классов могли видеть все там происходившее. И мы видели, что солдаты внесли туда кучу серых шинелей и наших товарищей одели в эти шинели. Затем их вывели на двор, рассадили там с жандармами в заготовленные сани и отправили по полкам.

Само собою разумеется, что паника была ужасная. Нам объявили, что если еще найдутся между нами кадеты, которые будут вести себя неудовлетворительно, то такие высылки станут повторяться. Для оценки поведения была назначена отметка сто баллов и сказано, что если кто будет иметь менее семидесяти пяти баллов, то такой будет немедленно отдан в унтер-офицеры. Само начальство было в немалом затруднении, как располагать оценку поведения по этой новой, стобалльной системе, и мы слышали об этом недоумении переговоры, которые окончились тем, что начальство стало нас щадить и оберегать, милостиво относясь к нашим ребячьим грешкам, за которые над нами была утверждена такая страшная кара. Мы же так скоро с этим освоились, что чувство минутного панического страха вдруг заменилось у нас еще большею отвагою: скорбя за исключенных товарищей, мы иначе не звали между собою Демидова, как «варвар», и вместо того, чтобы робеть и трястись его образцового жестокосердия, решились идти с ним в открытую борьбу, в которой хотя всем пропасть, но показать ему «наше презрение к нему и ко всем опасностям».

Случай представился к этому немедленно же, и очень трудно сказать, до чего бы дошло дело, если бы опять не подоспели нам на помощь находчивый ум и большой такт никогда не ходившего за словом в карман Перского.

Глава восьмая

Ровно через неделю после того, как от нас были отлучены и сосланы в унтер-офицеры наши товарищи, нам было приказано идти в ту же фехтовальную залу и построиться там в колонны. Мы исполнили приказание и ждали, что будет, а на душе у всех жутко. Вспомнили, что стоим на тех самых половицах, на которых стояли наши несчастные товарищи перед грудями приготовленных для них солдатских шинелей, и так вот варом и закипит на душе... Как они, сердечные, должно быть, были изумлены и поражены этою неожиданностью, и где-то и как они стали приходить в себя и проч. и проч. Словом сказать: душевная мука, — и стоим мы все, понунив головочки уныло, и вспоминаем Демидова «варвара», но ни капли его не боимся. Пропадать, так всем заодно пропадать, — знаете, ступень такая... освоились. И в это-то время вдруг отворяются двери, и является сам Демидов вместе с Перским и говорит:

— Здравствуйте, деточки!

Все молчали. Ни уговора, ни моментальной «передачи» при его появлении не было, а так просто, от чувства негодования ни у одного уста не раскрылись отвечать. Демидов повторил:

— Здравствуйте, деточки!

Мы опять молчали. Дело переходило в сознательное упорство, и момент принимал самый острый характер. Тогда Перский, видя, что из этого произойдет большая неприятность, сказал Демидову громко, так что все мы слышали:

— Они не отвечают, потому что не привыкли к выражению вашему «деточки». Если вы поздороваетесь с ними и скажете: «здравствуйте, кадеты!», они непременно вам ответят.

Мы очень уважали Перского и поняли, что, говоря эти слова так громко и так уверенно Демидову, он в то же время главным образом адресует их нам, доверяя себя самого нашей совестливости и нашему рассудку. Опять, без всякого уговора, все сразу поняли его едиными сердцами и поддержали его едиными устами. Когда Демидов сказал: «Здравствуйте, кадеты!», мы единогласно ответили известным возгласом: «Здравия желаем!».

Но это не был конец истории.

Глава девятая

После того как мы прокричали свое «здравия желаем», Демидов спустил с себя строгость, которою начал было набираться, когда мы не отвечали на его противную ласку, но сделал нечто, еще более для нас неприятное.

— Вот, — сказал он голосом, который хотел сделать ласковым и делал только приторным, — вот я хочу вам сейчас показать, как мы вас любим.

Он кивнул вестовому Ананьеву, который скорыми шагами вышел за двери и тотчас же возвратился в сопровождении нескольких солдат, несших большие корзины с дорогими кондитерскими конфетами в изукрашенных бумажках.

Демидов остановил корзины и, обратясь к нам, сказал:

— Вот тут целые пять пудов конфект (кажется, пять, а может быть, было и более) — это все для вас, берите и кушайте.

Мы не трогались.

— Берите же, — это для вас.

А мы тоже ни с места; но Перский, видя это, дал знак солдатам, державшим демидовское угощение, и те стали носить корзины по рядам.

Мы опять поняли, чего хочет наш директор, и не позволили себе против него никакой неуместности, но демидовское угощение мы все-таки есть не стали и нашли ему особое определение. В то самое мгновение, как первый фланговый из наших старших гренадеров протянул руку к корзине и взял горсть конфект, он успел шепнуть соседу:

— Конфекты не есть — в яму.

И в одну минуту «передача» эта пробежала по всему фронту с быстротою и с незаметностью электрической искры, и ни одна конфекта не была съедена. Как только начальство ушло и нас пустили порезвиться, мы все друг за другом, веревочкою, пришли в известное место, держа в руках конфекты, и все бросили их туда, куда было указано.

Так и кончилось это демидовское угощение. Ни один малыш не слукавил и не соблазнился конфектою: все бросили. Да иначе и нельзя было: дух дружества и товарищества был удивительный, и самый маленький новичок проникался им быстро и подчинялся ему с каким-то священным восторгом. Нас нельзя было подкупить и заласкать никакими лакомствами: мы так были преданы начальству, но не за ласки и подарки, а за его справедливость и честность, которые видели в таких людях, как Михаил Степанович Перский — главный командир, или, лучше сказать, игумен нашего кадетского монастыря, где он под стать себе умел подобрать таких же и старцев.

Впрочем, он ли их умел подбирать или они сами к нему под стать подбирались, дабы жить в отрядном согласии, — этого я не знаю, потому что мы малы были, чтобы вникать в такие вещи; но что знаю о сподвижниках Михаила Степановича, то тоже расскажу.

(Продолжение следует)

Печатается по тексту: Лесков Н.С. Собрание сочинений в 11 томах. Т. 6. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957.

* Из «Краткой истории Первого кадетского корпуса», составленной Висковатовым, видно, что это произошло 16 января 1797 года (Прим. автора.).

** Воспитанники корпуса позднейших выпусков говорят, что у них не было слова «передача», но я оставляю так, как мне сказано кадетом-старцем (Прим. автора.).

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ

Публикация: ГУРКОВСКИЙ Владлен Анатольевич —

референт Фонда содействия кадетским корпусам им. А. Йордана, полковник в отставке, кандидат исторических наук (Москва)

Рукопись этой документальной повести, автор которой мой отец — непосредственный участник описываемых событий, долгое время хранится в нашей семье. Поскольку она носит не только автобиографический характер, без вымышленных имен и эпизодов, но и имеет обобщающее значение для понимания сути событий почти что вековой давности, то я и решил фрагменты отцовских воспоминаний предложить «Военно-историческому журналу».

Примечательна история создания повести.

В тревожные ночи 1920 года отец как-то патрулировал вместе с сотрудником уездной газеты юным Михаилом Светловым, впоследствии популярным советским поэтом пустынные улицы настороженного украинского городка Ананьева. Тогда-то он и поделился с ним свежими воспоминаниями о боевых делах, участником и свидетелем которых довелось ему быть, ну а Светлов, заинтересовавшись, посоветовал перенести, как представится возможность, эти воспоминания на бумагу.

В наши дни, когда молодежь охвачена патриотическим подъемом и стремлением крепить единство и обороноспособность страны, думаю, опыт тех давних лет, отраженных в отцовской повести, окажется не только интересным, но и поучительным.

А.Н. Гурковский

ПАЛЕЦ НА КУРКЕ

Это было весной огненного и тревожного 1919 года. В середине не по времени очень жаркого и душного дня я и командир полка Степан Недолуженко рассматривали план пограничной службы по Днестру. В обсуждении плана участвовал представитель Тираспольского уездревкома, коммунист-подпольщик, недавно бежавший из румынской тюрьмы, Давидович.

Плохо зная русский язык, он с затруднением излагал свои мысли, но это не мешало нам по достоинству оценить его дельные советы и знание днестровского побережья.

Недолуженко с полным вниманием слушал собеседника и, не отрываясь от карты, проходил по ней циркулем. Внезапно нетвердым шагом, чуть покачиваясь, в комнату вошел коновод помкомполка Ивана Даровенко. Дорожная пыль обильно покрыла его с головы до ног, а кровь пропитала гимнастерку. Чтобы не упасть, раненый рукой схватился за стул и слабым голосом произнес: «Докладываю... Атаман Григорьев взбунтовал батальон.. Даровенко убили. Власть разогнали и арестовали... Меня стукнули, когда выезжал из Григоровполя. Комбат срочно вас требует, иначе беда...».

На этом раненый потерял сознание, так что большего выяснить у него не удалось. Но и то, что он сообщил, было весьма важным и тревожным. Без раздумий мы решили немедленно следовать в Григоровполь, где дислоцировался первый батальон и откуда пришли столь тревожные вести.

Если ядром основной части полка были партизаны, с которыми Недолуженко и я с первого дня несли все тяготы Гражданской войны и интервенции, то первый батальон создавался на завершающем этапе борьбы с петлюровщиной. В него вошли крестьяне ряда волостей Ананьевского уезда. Во взводах и ротах, укомплектованных односельчанами, комсостав выбирался из числа своих земляков. Комбат Бондаренко, требовательный, находчивый и храбрый в бою, жил по правилу: как народ, так и я; с земляками — не ссориться. В таком батальоне могли возникнуть любые неожиданности.

Примерно через полчаса экипаж в упряжке пары добротных вороных мчал нас по пыльной приднестровской дороге в небольшой городок Григоровполь.

Сначала ехали молча, в раздумье. Первым прервал молчание Давидович. Вплетая в ломаную русскую речь молдавские и украинские слова, он просил рассказать о Григорьеве и объяснить, почему тот так своевольничает.

Поскольку с Григорьевым мне довелось встречаться, то я и стал рассказывать все, что мне было известно о нем.

Он — бывший офицер, служивший в дореволюционное время царю. При Керенском — он сторонник украинских буржуазных националистов, Центральной рады. С оккупацией Украины немцами переметнулся к их ставленнику — гетману Скоропадскому. Затем устроился атаманом у Петлюры. Когда же под ударами Красной армии и партизан петлюровцы стали идти ко дну, Григорьев сманеврировал и со своими частями, расположенными на юге Украины, перешел на сторону советской власти. Вместе с тем, числясь командиром советской дивизии, именовал себя не иначе как атаманом Таврии и Херсонщины.

Конечно, трудно было ждать чего-либо определенного и предсказуемого от подобного авантюриста и карьериста, в чем мне пришлось убедиться на своем горьком опыте. Когда наш полк освободил узловую станцию Бирзула (впоследствии Котовск), командир бригады Марков приказал мне, а тогда я был помощником комиссара полка, взять на себя, задержавшись на станции, обязанности ее коменданта и установить здесь должный порядок. Не знаю, чем руководствовался Марков, но меня он обязал не давать григорьевцам подвижной состав для их продвижения на север. К моему несчастью, вскоре как раз и прибыл эшелон с ними.

Требование представить паровозы я отклонил, заявив, что для этого необходимо разрешение комбрига Маркова. Пьяная григорьевская команда мой отказ поняла по-своему. Они с шумом и сквернословием поволокли меня к атаману, втолкнули в его салон-вагон.

Пол салона застилал пушистый персидский ковер. Стены украшали картины в роскошных рамках. За письменным столом в мягком кожаном кресле и восседал напыщенный батько Григорьев. Он рассеянно выслушал доклад о моем отказе предоставить паровозы, медленно поднялся с кресла, сделал презрительную мину и сквозь зубы процедил:

Коммунист?

Коммунист, — ответил я.

Взбесившись, он прошипел, приблизившись, мне в лицо: «Это, видно, гад, потому и саботируешь».

Тотчас же по его знаку меня стали избивать. Кровь заполнила рот, хлынула из носа, в глазах замелькали круги. А атаман бесновался и орал: «Я призову вас к порядку и покажу, что значит настоящая власть. За контрреволюцию и саботаж расстрелять коммунистического выкормыша!».

Отдав такой приказ, он предупредил одного из своих командиров со шрамом на лице:

— Гриневич, проследи за этим.

Когда меня трое григорьевцев вели к тупику, то несколько в стороне шел и Гриневич. Отличавшая его от других выправка выдавала в нем бывшего офицера.

Уже прощаясь с жизнью, я вдруг услышал знакомый голос, а затем увидел среди выскочивших из вагонов нам навстречу тираспольских партизан моего бывшего школьного и боевого товарища Костю Кобылянского. Высокий, жилистый, он за свой веселый нрав, отвагу и силу пользовался у соратников заслуженным уважением. Под стать ему были и сопровождавшие его молодые бородачи — партизаны из старообрядческого села Плоского.

Не мешкая, я, окрикнув Костю, сообщил, что бандиты ведут меня на расстрел. Кобылянский и его парни, оставив без внимания угрозы Гриневича со ссылкой на атамана, вмиг разметали григорьевцев и увели меня с собой.

Вот таким было мое знакомство с Григорьевым, о чем я и поведал в пути своим спутникам.

Через некоторое время мы домчались до тревожного места, где мутили воду григорьевцы. В квартире Бондаренко, где размещался штаб батальона, к нашему приезду весь комсостав оказался в сборе. Встретили нас настороженно, а некоторые и недружелюбно. Недолуженко, как бы не замечая этого, пригласил всех за стол и потребовал доложить о происшедшем. Говорили все присутствующие. Некоторые выражали и сочувствие григорьевцам. В полной мере перед нами предстала картина бушующего митинга, трагической гибели нашего друга Ивана Даровенко, а также тревожного и неустойчивого положения батальона.

Следует отметить, что политическая лихорадка и борьба, которые так потрясли батальон и Григорополь, явились отражением крупных и острых политических событий, происходивших на Украине. В то время как Красная армия вела с генералом Деникиным ожесточенные бои за Донбасс, атаман Григорьев и окружавшие его единомышленники из эсеров, анархистов и различных буржуазных националистов во всю ширь развернули подготовку к мятежу против Советской власти. При этом главное внимание обращалось на создание перевеса сил путем привлечения на свою сторону украинских частей. С этой-то целью в войсковые украинские части посылались агитаторы, различные представители или целые делегации. Одна из таких делегаций предназначалась для Ананьевского полка. Она-то и задержалась в Григорополе, сумев посеять здесь смуту.

Ранним утром григорьевцы созвали батальон на митинг. Собравшимся один из приближенных атамана зачитал адресованное полку воззвание Григорьева. В нем содержался призыв переходить на его сторону «для борьбы против Советов», к истреблению коммунистов, партийных и советских работников, а также всех преданных и сочувствующих советской власти.

Крестьянская красноармейская среда, сбита с толку, бурлила, как кипящий котел. Григорьевцы в полной мере использовали смятение и неосведомленность большей части бойцов. Подогревая и без того возбужденную массу, они требовали здесь же, на митинге, осуществить переход батальона под знамена Григорьева и немедленно следовать маршем в Дубоссары, чтобы присоединить к себе весь полк.

На митинге случайно оказался помощник командира полка коммунист Иван Даровенко. И если Бондаренко занял выжидательную позицию, то Даровенко без раздумий вступил в спор с атамановыми посланцами, срывая их расчеты. В его адрес посыпались угрозы, но кто мог запугать мужественного и стойкого в своих убеждениях человека. Его правдивая, ясная и смелая позиция начала приводить к разуму колебавшихся. Обстановка на митинге все больше накалялась, сторонников григорьевцев с каждой минутой уменьшалось. Вот тут и раздался выстрел, сразивший Ивана Даровенко.

Провокаторы, видимо, уверовали в безотказность пресловутого правила: у кого, дескать, палец на курке, тот и хозяин положения. Возможно, в иной обстановке это правило себя бы оправдало. Но убийцы не учли высокого авторитета, которым пользовался Даровенко. Так что расправа над ним привела не к тому результату, на который рассчитывали убийцы. Наметившийся перелом в настроении бойцов сразу же уловил комбат Бондаренко. Он поднялся на трибуну и стал таким, каким бывал в бою. Говорил он резко и решительно. Убийство Ивана Даровенко назвал подлым, преступным и ничем неоправданным. Предложение о переходе батальона к Григорьеву и марше на Дубоссары он отверг, заявив, что костями ляжет, но не допустит этого.

Однако Бондаренко последующей решительности не хватило, и он остался верен своей двойственной позиции. По его соображениям, григорьевским посланцам следовало для переговоров отправиться в полк и там все решить. «Как поступит полк, так и мы», — заключил он. Митинг поддержал комбата и согласился с ним. И сколько григорьевцы ни старались, как ни нажимали, батальон стоял на своем.

После неудачи в батальоне бандиты собрали общегородское собрание григорюпольцев. Обиженные революцией оказали им активную поддержку, арестовав весь состав революционного комитета, создав свой «ревком». Куда затем подевались григорьевские пропагандисты, нам в батальоне выяснить не удалось.

С командирами мы повели острый разговор, подготовив необходимую обстановку к проведению общеполкового собрания. Оно же вопреки нашим опасениям прошло спокойно, и резолюция, которая заклеяла контрреволюционную вылазку григорьевцев, была принята единодушно. Недолуженко и я прекрасно понимали, что нам необходимо торопиться в Дубоссары, чтобы предупредить посланцев атамана и не допустить григорюпольских событий. Также сознавали, что сохранять в городе григорьевский «ревком» при неустойчивом батальоне хотя бы на короткое время совершенно невозможно. После горячей дискуссии решили задержаться в Григорюполе для решения проблемы местной власти на общегородской сходке, предварительно поговорив с беднотой.

Собрание проходило в школе. С первых же минут оно приняло острые формы. Горячий спор возник при выборах президиума. Постороннему трудно было разобраться, почему отводятся одна за другой кандидатуры. Как выяснилось, они-то и представляли григорьевский «ревком». Когда их удалили, выступивший на собрании сторож разогнанного григорьевцами народного ревкома, инвалид войны, вот что сообщил нам: «Вам, командиры, следует кое-что на ус намотать. Точно говорю, те, кто нас разогнал,

похвалялись обязательно весь ваш полк на свою сторону перетянуть. Ихний главарь со шрамом на лице показывал список и говорил, что одного коммуниста уничтожили, осталось еще семь. Скоро и им, мол, будет крышка».

Стало совершенно ясно, что разговор идет и о судьбе полка, и о нашей жизни. В полку имелось восемь коммунистов, без Ивана Даровенко стало семь.

Восстановив в правах и при поддержке народа законный ревком, мы с Недолуженко, поскольку Давидович пожелал остаться в Григороволе, помчались к себе, в Дубоссары.

Не успели мы добраться до городской околицы, как увидели мчавшегося нам навстречу на взмыленной лошади командира конной разведки полка Ивана Трача. Взволнованно и сбивчиво он докладывал о том, что больше всего вызывало наши опасения. И в Дубоссарском гарнизоне, где размещалось ядро полка, григорьевцам удалось посеять смятение, вызвать политический разброд и собрать красноармейцев на митинг у эстрады городского бульвара.

Но здесь им пришлось столкнуться с решительным отпором, организованным группой командиров, которую возглавил комбат коммунист Ключко. Бывший балтиец, огненно-рыжий гигант, он в одинаковой степени славился и недюжинной силой, и безрассудной храбростью при исключительной горячности. Узнав о затее григорьевцев, Ключко примчался на собрание, буквально ворвался на сцену и своими кулачищами разметал бандитов. Возникла свалка, во время которой изрядно досталось и богатырю.

Когда мы с Недолуженко оказались у эстрады, митинг представлял собой бушующее море. Красноармейская масса бурлила, потрясая оружием. Обливаясь потом, все кричали, чего-то требовали, призывали к порядку, переругивались. Над всем властвовало возбуждение и неразбериха. Ключко и один из григорьевцев охрипшими голосами одновременно обращались к собравшимся, пытаясь перекричать друг друга. С нашим появлением шум усилился, но стал организованнее. Слышалось: «Дать слово!», «Просим!», реже — «Долой!», «Арестовать!».

Командир полка решительно вышел к краю сцены и поднятием руки призвал к порядку и успокоению. С наступлением тишины он взволнованно произнес:

— Товарищи, братья по оружию! Произошло большое горе и несчастье... Бесстрашный командир-коммунист, в конном строю захвативший бронепоезд петлюровского командарма Козубского, Иван Даровенко зверски убит бандитами, подосланными атаманом Григорьевым.

Ропот, возмущение и недоумение еще больше взвинтили, но и объединили толпу. Григорьевцы попытались сорвать выступление Недолуженко, но это им оказалось не под силу. Красноармейцы слушали своего любимого, предельно простого, справедливого и требовательного командира.

— Нет с нами лучшего в полку плясуна и запевалы, — продолжал оратор, — нет пламенного коммуниста, который бесстрашно боролся за то, чтобы первый батальон не пошел на поводу у провокаторов. Я предлагаю почтить память красного героя Ивана Даровенко.

Тысячная масса замерла и склонила головы. Неожиданно для всех полковой оркестр заиграл траурный марш. Недолуженко властным голосом обратился к растерявшимся

григорьевцам: «Снять головные уборы перед светлой памятью командира-коммуниста!» Те быстро выполнили это требование, и уверенность стала гаснуть в их глазах. Перелом в настроении людей был достигнут. Недолуженко громил григорьевцев, разоблачал их контрреволюционную, провокаторскую сущность, а в заключение предоставил слово мне.

Взволнованно, со всем пылом и юношеской горячностью я излагал свои мысли и чувства:

— Партизаны! К вам первое слово, — говорил я. — Как вы, бесстрашные герои в борьбе за народную власть, организаторы славного полка, могли позволить проходимцам собрать митинг и призывать полк к измене? Струсили? Не поверю. Вас самих сбили с толку. Но разве вы не видите, что имеете дело с врагами революции? Сейчас ведь все ясно, так покажите себя, свою верность нашему общему делу!..

Кое-кто пытался выкриками сбить, сорвать мою речь. Но сказался перелом и расчет на партизан. Горлопанов призвали к порядку, и я, отвечая на животрепещущие вопросы, продолжал:

— Под руководством Ленина и его партии трудовой народ выстрадал, завоевал советскую власть. Он ею дорожит и отстаивает свое детище. Поэтому враги опасаются выступать с лозунгами против советской власти, а чтобы подорвать, уничтожить ее, кричат: «Долой из Советов коммунистов, да здравствуют Советы без коммунистов». Но Советы без коммунистов — это все равно что человек без сердца, винтовка без затвора или поезд без паровоза. Чтобы обессилить советскую власть, григорьевцы стремятся перетащить на свою сторону Красную армию, уничтожить коммунистов и преданных партии и народу советских работников и командиров.

Громко, подчеркнуто я стал называть популярных и любимых в полку командиров-коммунистов, намеченных григорьевцами к уничтожению. Последним я назвал фамилию Ключко. В тот же миг Ключко перебил меня и голосом, полным страсти, обратился к красноармейцам со словами: «Я коммунист-большевик и этим горжусь. Свою кровь проливал в борьбе с мировым капиталом за землю, свободу и мир. Если это против вашего интереса — стреляйте. — На этих словах сильным рывком разорвал на груди гимнастерку и тельняшку, обнажив богатырскую грудь. — Стреляй!.. Где же эта бисова контра, которая посмеет пулять? Нема? Так к чему же затеянная буза, зачем же полк трепать?».

В мертвой тишине Ключко порывисто дышал, смахивая с лица пот, смешанный с кровью, и глядел на покоренную им массу. Растроганный его выступлением, я обводил глазами притихших людей и неожиданно мой взор остановился на лице человека со шрамом, на Гриневиче. Он стоял у рампы вместе с Козуличем, помощником командира формируемого Днестровского полка. Кивком головы я поздоровался с Козуличем и выражением лица, движением плеча выразил крайнее удивление его знакомству. Гриневич побагровел, глаза его сверкали гневом, а рука сжимала кобуру нагана.

После яркой, впечатляющей речи Ключко снова заговорил Недолуженко.

— Я уверен, — чеканил он слова, — что среди красных бойцов нет врагов советской власти. Правильно я говорю?

Правильно! — отвечал единым выдохом митинг.

У нас нет таких предателей, кто перешел бы на сторону атамана Григорьева и изменил бы советской власти. Правильно, товарищи?

Правильно! — последовал стоголосый ответ.

Под руководством вождя мирового пролетариата Ленина и большевиков полк будет до победы бороться против внутренней и международной контрреволюции.

— Правильно!.. Правильно!.. — гремела красноармейская масса.

— А раз так, — заключил командир полка, — то поручите мне и комиссару от вашего имени послать ответ Григорьеву, что полк, как один, стоит за Ленина, за советскую власть и выступает против любой контрреволюции и всяких батек и атаманов.

— Правильно! Просим, просим... — последовало дружное могучее эхо.

Недолуженко тут же подал команду строиться и развести подразделения по квартирам, а стусевавшихся григорьевцев пригласил следовать в штаб полка. Григорьевцы шли за нами в штаб встревоженные, хотя и пытались соблюсти спокойствие. Они непрерывно курили и на ходу обменивались ничего не значащими словами. Шествие в штаб замыкал Трач с группой своих конников, получивших задание в оба следить за пришельцами.

Когда по ступенькам мы поднялись на просторную веранду, сплошь увитую диким виноградом, то в оцепенении замерли. Слева у входа в штаб на носилках лежало бездыханное тело Ивана Даровенко. У изголовья, понурив голову, сидел коновод, друг и земляк убитого. При нашем появлении он встал и, заметив григорьевцев, задрожал, а затем показал на одного из них и в исступлении закричал: «Он, он, я сам видел, он стрелял в командира, в Ваню Даровенко!»

Недолуженко по-дружески обнял за плечи раненого и всячески успокаивал его, а затем все вошли в штаб. Каждый из нас с трудом сдерживал бурлящий гнев, готовый вылиться в беспощадный самосуд, но все понимали, что до поры, до времени враги нужны нам живыми. В кабинете командира полка мы как по команде выхватили пистолеты, а Недолуженко, обращаясь к бандитам, властно приказал:

— Руки вверх, контрреволюционная сволочь!..

Вмиг их обезоружили. И куда только подевались их недавние разбойничья наглость и спесь. Но в этот же момент я обнаружил отсутствие Гриневича. Я всех поставил на ноги, но поиски его оказались напрасными.

После обыска арестованных по очереди подвергли допросу. При этом каждый допрашиваемый пытался умалить свою роль, выпятить других и объяснить свое участие в так называемой делегации различными случайностями. Однако все они были уличены во лжи. Их скорее всего можно было назвать не столько «борцами за правое дело», как они не прочь были величать себя, сколько грабителями. О том свидетельствовали многие золотые вещи, начиная от коронок, кончая браслетами, часами, обнаруженные в их полевых сумках.

Пришлось григорьевцам подтверждать и то, что изъятый у одного из них список восьми коммунистов полка был перечнем приговоренных к смерти. В этом списке перед фамилией И. Даровенко стояла галочка, а в конце выделялся своей неуместной таинственностью математический знак извлечения из корня, обозначенный латинской буквой «Р» и цифрой «2».

Что значил этот «иероглиф», никто из арестованных объяснить не мог. Все они утверждали, что значение и смысл знака известен лишь исчезнувшему Гриневичу. Его они называли своим руководителем.

(Продолжение следует)

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ДОБЫЧИНА Елена Викторовна —

ведущий научный редактор редакции «Военно-исторического журнала», кандидат исторических наук (г. Химки Московской обл.)

РОЛЬ ОРГАНИЗАЦИИ ВАРШАВСКОГО ДОГОВОРА В ОБЕСПЕЧЕНИИ БЕЗОПАСНОСТИ

Вышла в свет монография* В.В. Бруза, в которой дан историографический анализ деятельности стран-участниц Организации Варшавского договора (ОВД) по обеспечению безопасности, сохранению и поддержанию мира в Европе во второй половине 50-х — конце 80-х годов XX века.

В структурном плане работа состоит из введения, двух глав, завершающихся подведением итогов и представлением выводов, заключения, обширного списка источников и примечаний.

Более полувека отечественные и зарубежные исследователи изучают историю возникновения, становления, активной деятельности и прекращения существования на международной арене ОВД — военно-политического союза социалистических государств.

Несмотря на многообразие источников, историография проблемы долгое время была представлена лишь фрагментарно, в основном библиографическими указателями литературы и историографическими обзорами в научных трудах, введениями к некоторым монографиям и диссертационным исследованиям**. Как правило, эти материалы ограничивались временными рамками и имели узкую тематическую направленность.

В рецензируемой монографии кроме обстоятельного анализа развития историографии представлена ее периодизация, разработаны методологические аспекты изучения проблемы и определены занимающиеся ею научные школы, конкретизирован используемый категориальный аппарат, введены новые научные понятия.

Автор провел комплексное исследование и сравнительный анализ отечественной и западной историографии проблемы европейской безопасности и деятельности ОВД по ее обеспечению. Кроме того в работе показано, как советские, российские и зарубежные историки отражали венгерские (1956), чехословацкие (1968) и другие сложные и противоречивые политические события. За многообразием взглядов и точек зрения, сложившихся в историографии по различным аспектам рассматриваемой темы, видна позиция автора.

Отметим, что В.В. Бруз в своем исследовании использовал сущностный и методологический аспекты историографии. Первый из них способствовал выяснению того, какие вопросы и как рассматривались с точки зрения их содержания, а какие остались вне поля зрения ученых, к каким оценкам и выводам последние приходили. Методологический аспект позволил автору выявить изучавшие данную проблему научные школы (теоретико-методологической и деятельно-практической направленности) и примененные ими подходы.

Автор подчеркивает, что на развитие историографии проблемы существенное влияние оказали объективные факторы. Среди них — «холодная война», в условиях которой протекало противоборство между СССР и США, ОВД и НАТО, новая международная обстановка, сложившаяся в Европе после распада Советского Союза и роспуска ОВД, а также социально-политические изменения, произошедшие в России в начале 1990-х годов. В связи с этим В.В. Бруз напоминает, что сегодня в силу объективной закономерности существования саморегулирующейся европейской системы стремление США к трансформации мировой системы в однополюсную неизбежно вызывает противодействие и делает актуальным создание новых военно-политических организаций. Поэтому необходимо всестороннее изучение опыта ОВД, выяснение причин ее роспуска, устремления наших недавних союзников в НАТО и их негативного настроения по отношению к России.

В работе В.В. Бруза сформулированы уроки и выводы, вытекающие из опыта научной деятельности отечественных и западных исследователей проблемы, даны научно-практические рекомендации, которые могут оказать положительное влияние на развитие некоторых направлений исторической науки, занимающейся вопросами европейской безопасности. Материал может быть включен в учебно-образовательный процесс при изучении соответствующих тем и использован в целях воспитания молодого поколения на уроках исторической правды. Монография будет интересна не только специалистам, но и всем, кто интересуется историей внешней политики нашей страны.

* Бруз В.В. Военно-политическая деятельность Организации Варшавского Договора по обеспечению европейской безопасности. Историографическое исследование: монография. М.: ГОУ МГУАЭ, 2006. 246 с.

** См.: например: Боевое содружество братских народов и армий. М.: Воениздат, 1975; Варшавский Договор — союз во имя мира и социализма. М.: Воениздат, 1980; Военно-политическое сотрудничество социалистических стран. М.: Наука, 1988 и др.

АРАПОВ Дмитрий Юрьевич —

доцент кафедры истории России до начала XIX века исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, доктор исторических наук (Москва)

НОВОЕ СЛОВО О БЕЛОМ ДВИЖЕНИИ

Одним из наиболее фундаментальных современных публикаторских проектов является выпуск в свет серии сборников о русской военной эмиграции в период до начала Второй мировой войны. Вышел в свет очередной, четвертый том* этого издания, содержание которого охватывает время с января по декабрь 1924 года, когда в кругу «белой» военной эмиграции отчетливо проявились многочисленные кризисные явления, обострению которых способствовал процесс дипломатического признания СССР ведущими державами Западной Европы, прежде всего Англией и Францией. Документы, собранные составителями сборника в архивах ФСБ и СВР, наглядно свидетельствуют, что в среде военных эмигрантов заметно усилилось движение за мирное возвращение в Россию и вращение в новую советскую действительность. В этих условиях вожди Белого движения должны были бы отложить на неопределенный срок надежды на вооруженное вторжение в пределы Советского государства, однако, как показывают публикуемые в сборнике документы, они всячески старались препятствовать процессу реэмиграции своих подчиненных, не останавливаясь перед самыми жесткими приемами и средствами.

Вместе с тем все более выявлявшаяся нехватка финансовых средств, обострявшаяся политическая ситуация, а главное, психологическая усталость заставили руководителей русской военной эмиграции искать новые формы организации подчиненных им формирований. При этом лидеры «белого» лагеря хотели обеспечить в случае возникновения благоприятной ситуации возможность быстрой мобилизации своих вооруженных сторонников для вторжения в СССР и захвата политической власти. Документы, представленные в сборнике, детально показывают, как на протяжении лета 1924 года шла подготовка к созданию «Русского общевоинского союза», ставшего новой формой объединения «белой» военной эмиграции, выявляют роль в этом процессе непримиримых врагов большевизма генералов П.Н. Врангеля и А.П. Кутепова.

Рецензируемый четвертый том, как и предшествующие книги сборника «Русская военная эмиграция 20—40-х годов XX века», издан на высоком источниковедческом уровне, комментарии к документам подобраны с учетом всей имеющейся сейчас информационной литературы по истории 1920-х годов. Тем более досадно отсутствие редакционного уточнения при приведении в справке информотдела ОГПУ неточных сведений биографии П.Н. Врангеля. Последний являлся по гражданскому образованию не агрономом, а инженером, выпускником Горного института. Февраль 1917 года Врангель встретил не в чине полковника, а генерал-майора, став одним из последних чинов этого ранга царского производства (с. 111).

В целом же следует высоко оценить военно-научное и исторически-познавательное значение четвертого тома серии «Русская военная эмиграция 20—40-х годов XX века». Эта книга значительно расширяет наши представления о драматической судьбе оказавшихся на чужбине русских офицеров.

* Русская военная эмиграция 20—40-х годов XX века. Документы и материалы. Т. 4. У истоков «Русского общевоинского союза». 1924 г. М.: Изд. центр РГГУ. 2007. 980 с.

ПОРОШИН Михаил Юрьевич —

аспирант Вятского государственного университета (г. Киров)

«ЗА ГОДЫ “ЕЖОВЩИНЫ” ПОГИБЛО ВДВОЕ БОЛЬШЕ ГЕНЕРАЛОВ, ЧЕМ ЗА ВСЮ ВЕЛИКУЮ ОТЕЧЕСТВЕННУЮ ВОЙНУ»

Известным военным историком А.А. Печенкиным издана монография*, посвященная изучению особенностей формирования советской военной элиты в предвоенные годы и тех перемен, которые произошли в этой профессиональной группе в 1937—1938 гг. Предметом этого исследования является советская военная элита 1937 года, которая практически полностью была уничтожена в годы «ежовщины». Это руководители Наркомата обороны СССР (НКО), члены Военного совета при наркоме обороны, командующие войсками округов, армий и отдельные командиры соединений.

Автор поставил перед собой цель проанализировать процесс взаимодействия И.В. Сталина с высшим военным руководством страны. Среди задач исследования — определение факторов способствовавших служебному росту военачальников, занятию ими высших должностей, а также причин, по которым их репрессировали в 1937—1938 гг. На основе уникальных рассекреченных документов рассматриваются деятельность Военного совета при наркоме обороны в 1937 году, взаимоотношения И.В. Сталина и военной элиты. Основное внимание автор уделил анализу стенограммы расширенного заседания Военного совета при наркоме обороны, проходившего в Кремле с 1 по 4 июня 1937 года. На нем обсуждались вопросы, связанные с делом маршала М.Н. Тухачевского («Военно-фашистский заговор в Красной армии»), разоблачение которого привело к массовым репрессиям, в наибольшей степени затронувшим высший кадровый эшелон РККА. Эти материалы, хранящиеся в фондах Российского государственного военного архива (РГВА) и Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), впервые использованы в научной литературе в таком объеме.

Анализ стенограммы показывает, что в тот период Сталин довольно слабо разбирался в сугубо армейских проблемах, не был знаком с военной терминологией, лично знал лишь небольшую часть высшего командного состава вооруженных сил, допускал ошибки в трактовке функций тех или иных военных структур. Со временем он ликвидировал этот пробел. Но все это будет позже, в начале сороковых, а в 1937 году Сталин пытался решать военные проблемы наскоком, опираясь на свой довольно ограниченный опыт периода Гражданской войны. Автор убедительно показывает, что Сталин являлся в эти годы главным организатором репрессий в вооруженных силах, искусно лавируя между группировками военных, и без того жестко соперничавших друг с другом бывших буденновцев, примаковцев, чапаевцев, котовцев и щорсовцев, сталкивая их между собой, заставляя наговаривать друг на друга.

Книга снабжена множеством интереснейших таблиц, основанных на архивных данных, касающихся масштабов репрессий и увольнений в РККА и перестановок в высшем командном звене.

Анализ различных документальных источников, сделанный автором, дает понять, что в кратчайший срок был практически разгромлен Военный совет при НКО. Из 94 его членов (данные на май 1937 г.) 77 были расстреляны, еще несколько человек были под арестом от 1 до 15 лет, и совсем не подвергались репрессиям только 8 человек.

Характеризуя обстановку 1937—1938 гг., автор заостряет внимание на настоящей кадровой лихорадке, которая поразила высшие органы руководства РККА и, безусловно,

ослабила ее боевую мощь, явилась причиной снижения боеспособности армии, подрыва доверия красноармейцев к своим командирам, падения воинской дисциплины.

Проведенное исследование позволило автору сделать логичный и подкрепленный документальными источниками вывод: «Всего за годы "ежовщины" погибло вдвое больше генералов, чем за всю Великую Отечественную войну. Репрессии обезглавили Красную армию, что явилось одной из важнейших причин поражений 1941 года».

Монография А.А. Печенкина, имея большое научное значение, может быть также использована преподавателями гражданских и военных вузов при разработке лекционных курсов по отечественной истории, а также в воспитательных целях. Книга написана живым языком, она, без сомнения, привлечет не только специалистов, но и всех интересующихся отечественной военной историей.

* Печенкин А.А. Сталин и военный совет. М.: ВЗФЭИ, 2007. 160 с.

КНИЖНАЯ ПОЛКА ВОЕННОГО ИСТОРИКА

КНИГИ, ПОДАРЕННЫЕ РЕДАКЦИИ «ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА»

Мировые войны XX века: В 4 кн. / Ин-т всеобщей истории РАН. М.: Наука, 2005. Кн. 1: Первая мировая война: ист. очерк. 2-е изд. / Отв. ред. Г.Д. Шкундин. 686 с, ил.; кн. 2: Первая мировая война: док. и материалы. 2-е изд. / Отв. ред. В.К. Шацилло. 581 с, ил.; кн. 3: Вторая мировая война: ист. очерк. 2-е изд. / Отв. ред. Е.Н. Кульков. 597 с, ил.; кн. 4: Вторая мировая война: док. и материалы. 2-е изд. / Отв. ред. М.Ю. Мягков. 677 с, ил.

Переданы начальником группы — старшим инспектором-летчиком направления военного образования ВВС полковником Я.А. Долинчуком

(Москва)

Грунь В. Д., Зайденварг В.Е., Килимник В. Г., Малышев Ю.Н., Попов В.Н., Рожков А.А. История угледобычи в России. М., 2003. 480 с.

Передана кандидатом технических наук В.Д. Грунем

(Москва)

Ветераны-ученые о Великой Отечественной войне. М.,

2007. 30 с.

Проблемы развития ЮАР и Зимбабве. Сб. статей. М.: Memories, 2007. 78 с.

Устная история забытых войн. Воспоминания ветеранов войны в Анголе. М.: Memories, 2007. 140 с.

Переданы кандидатом исторических наук Г. В. Шубиным (Москва)

Сорокажердьев В.В. Они сражались в Заполярье: Герои Советского Союза, 1939—1945: боевые биографии. Мурманск: Кн. изд-во, 2007. 304 с, ил.

Передана автором

(г. Мурманск)

Кубанский сборник: сборник научных статей по истории края / Под ред. О.В. Матвеева. Краснодар: ООО «КНИГА», 2006. Т. 1(22). 486 с, ил.

Передана кандидатом исторических наук, доцентом старшим лейтенантом запаса О. В. Матвеевым

(г. Краснодар)

Павленко Н. И. Александр Данилович Меншиков. М.: Наука, 1983. 196 с.

Особое задание: Сборник. 3-е изд., доп. М.: Моск. рабочий, 1988. 288 с.

Белое дело: Избранные произведения. В 16 кн. Кубань и Добровольческая армия. Соколов К.Н. Правление генерала Деникина. Филимонов А.П. Разгром Кубанской Рады. Скобцов Д.Е. Драма Кубани. М.: Голос, 1992. 352 с.; Дон и Добровольческая армия. Краснов П.Н. Всевеликое войско Донское. Деникин А.И. Белое движение и борьба Добровольческой армии. Вооруженные силы Юга России. 416 с.; Деникин А.И. Борьба генерала Деникина. Лукомский А.С. Воспоминания. 1993. 304 с.

Борисов Ю.В. Морис Талейран. 2-е изд. доп. М.: Междунар. отношения, 1989. 328 с.

Бисмарк О. Мысли и воспоминания / Пер. с нем. А.С. Ерусалимского. М.: Государственное социально-экономическое изд-во, 1940. Т. 1. 336 с.; Т. 2. 288 с.; 1941. Т. 3. 212 с.

Архив русской революции. В 22 т. М.: Терра; Политиздат, 1991. Т. 5—6. 360 с., 364 с.; Т. 7—8. 334 с., 181 с.; Т. 9—10. 304 с., 321 с.; Т. 11—12. 310 с., 296 с.

Переданы В.Д. Протасовым

(Москва)

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ИНФОРМАЦИЯ

ДМИТРИЕВА Ольга Руслановна — научный редактор редакции «Военно-исторического журнала» (Москва)

МАРШАЛ СОВЕТСКОГО СОЮЗА Н.В. ОГАРКОВ — ВОЕНАЧАЛЬНИК И ЛИЧНОСТЬ

В Культурном центре Российской армии прошла конференция, посвященная 90-летию со дня рождения Маршала Советского Союза Николая Васильевича Огаркова, организованная Генеральным штабом Вооруженных сил РФ, Советом Генерального штаба Вооруженных сил РФ по делам ветеранов, Институтом военной истории (ИВИ) МО РФ.

Н.В. Огарков — выпускник Военно-инженерной академии им. В.В. Куйбышева (1941). С 1949 года — начальник отдела управления штаба главнокомандующего войсками Дальнего Востока, с 1953 года — начальник оперативного отдела, с 1955-го — начальник оперативного управления — заместитель начальника штаба Дальневосточного военного округа. В 1957 году направлен на учебу в Военную академию Генерального штаба, которую оканчивает в 1959-м. С марта 1974 по январь 1977 года Н.В. Огарков — заместитель министра обороны СССР. В январе 1977-го становится начальником Генерального штаба ВС СССР и Маршалом Советского Союза.

С вступительным словом на конференции выступил заместитель начальника Генерального штаба ВС РФ генерал-полковник А.С. Скворцов. С докладами выступили ведущий инспектор ГШ ВС РФ, бывший начальник ГШ ВС СССР М.А. Моисеев «Военачальник и личность», президент Академии военных наук генерал армии М.А. Гареев «Маршал Советского Союза Н.В. Огарков как военный теоретик», В.А. Жилин «Каким мы его помним», дочь Маршала Советского Союза И.С. Конева Н.И. Конева «Н.В. Огарков дома и в семье», старший научный сотрудник ИВИ МО РФ генерал-полковник в отставке Б.П. Уткин «Маршал Советского Союза Н.В. Огарков в зеркале истории и современности», генерал-лейтенант авиации В.И. Макаров «Маршал Советского Союза Н. В. Огарков и его взгляды на некоторые новые черты в развитии советского военного искусства. Взгляд сослуживца», главный специалист ИВИ МО РФ генерал-полковник Г.А. Бурутин «Маршал Советского Союза Н.В. Огарков и офицеры Генерального штаба. Взаимоотношения с подчиненными», генерал-лейтенант Н.А. Брусницын «Н.В. Огарков. Развитие системы войсковой связи Западного стратегического направления».

На конференции присутствовали генералы и офицеры, слушатели Военной академии, курсанты военных училищ и суворовцы, а также представители прессы и ветераны.

МАТВЕЕВ Виталий Никитич —

председатель совета ветеранов Коломенского государственного педагогического института, полковник в отставке (г. Коломна)

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ В КОЛОМЕНСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ

Совет ветеранов Коломенского государственного педагогического института (КГПИ) принимает активное участие в деле патриотического воспитания студентов, строя свою работу на основе боевых и трудовых традиций участников Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. и тружеников тыла, ветеранов локальных войн и вооруженных конфликтов.

За последние 10 лет в вузе состоялось более 20 научных конференций, посвященных важнейшим событиям военной истории России: разгрому немцев под Москвой, Сталинградом, Орлом, Курском и т.д., Дню Победы, юбилеям видных военачальников. С научными докладами, как правило, выступали студенты, а ветераны Великой Отечественной войны — с воспоминаниями. Здесь также звучали песни и мелодии военных лет. Мероприятия проходили с таким эмоциональным зарядом, что пожилые ветераны не сдерживали слез.

Ежегодно помимо посвященных Дню защитника Отечества и проходящих в аудиториях КГПИ встреч со студентами участников Великой Отечественной, ветеранов военной службы, локальных войн совершаются лыжные и пешие походы по местам боев в Подмосковье с возложением цветов к могилам погибших воинов. В мае каждого года совет ветеранов и ректорат проводят митинг-реквием, посвященный памяти воинов, павших в боях за Родину.

Совет ветеранов института морально и материально поддерживает студентов, участвующих в работе поисковых отрядов г. Коломны, которые выезжают на места боев с целью поиска и захоронения погибших воинов. Продолжается поиск без вести пропавших сотрудников вуза, ушедших на фронт в годы Великой Отечественной войны. Восстановлены имена и подвиги 27 человек, издана книга «Судьбы солдатские» о преподавателях-фронтовиках. Совместными усилиями ветеранов и ректората КГПИ создан музей, который знакомит студентов с настоящим и прошлым института, осуществляется связь КГПИ с воинскими частями Московского военного округа: студенты знакомятся с условиями быта военнослужащих и принимают участие в стрельбах из стрелкового оружия.

В газете «Народный учитель», учрежденной институтом, публикуются статьи ветеранов войны. Ректорат КГПИ решает важные социальные вопросы сотрудников, ранее работавших в институте.

К сожалению, бывшие фронтовики уходят, поэтому совет ветеранов КГПИ для проведения воспитательных мероприятий со студентами уже приглашает сегодня ветеранов военной службы и участников боевых действий в Афганистане, Чеченской республике и других горячих точках.

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

УЧАСТНИК ДВУХ ВОЙН, ИСТОРИК, АКАДЕМИК

К 100-летию со дня рождения академика А.М. Самсонова

Восьмого января 2008 года исполняется 100 лет со дня рождения Александра Михайловича Самсонова, известного военного историка, академика АН СССР (1981). Самсонов окончил исторический факультет ЛГУ (1931) и военно-политическое училище (1943). С 1931 года преподавал историю на рабфаке, с 1939-го — в Ленинградском отделении Института заочного обучения партактива при ЦК ВКП(б). В 1938—1939 гг. — младший научный сотрудник Музея истории религии и атеизма Академии наук (АН) СССР.

С призывом в армию занимался политико-воспитательной работой в 61-й авиабригаде Балтийского флота, участник Советско-финляндской войны 1939—1940 гг. После демобилизации из армии в ноябре 1940 года сотрудничал в газетах. В марте 1943 года вновь призван в армию, был агитатором 1823-го самоходного артиллерийского полка 3-го гвардейского мехкорпуса; воевал на 3-м Белорусском, 1-м и 3-м Прибалтийских фронтах, участвовал в освобождении Белоруссии, Литвы, Латвии.

После войны полностью посвятил себя исторической науке. С 1948 года — младший научный сотрудник Института истории АН СССР, с декабря 1949-го — ученый секретарь института, с июля 1950-го — ученый секретарь редакционно-издательского совета АН СССР, одновременно принимал активное участие в работе военно-исторического сектора Института истории АН СССР. С 1961 года — директор Издательства АН СССР (с 1963 г. — издательство «Наука»). Свою работу по руководству издательством А.М. Самсонов успешно сочетал с научно-исследовательской деятельностью по истории Второй мировой войны, прежде всего — Великой Отечественной.

Особое место в его научном творчестве занимало исследование Битвы под Москвой и Сталинградской битвы. В своих монографиях по этим темам А.М. Самсонов провел всесторонний анализ гигантской по своим масштабам вооруженной борьбы, окончившейся и там и там полным поражением противника. Им опубликовано также обобщающее исследование «Крах фашистской агрессии, 1939—1945: исторический очерк», в котором автор отразил достоверную картину происхождения и развития Второй мировой войны, глубоко и всесторонне показал решающую роль Советского Союза, его Вооруженных Сил в разгроме германского фашизма.

Самсонов активно участвовал в создании коллективных многотомных исторических трудов, являлся членом Главного редакционного совета 12-томного труда «История СССР с древнейших времен до наших дней», ответственным редактором, одним из авторов и членом редколлегии 10-го тома «Всемирной истории», членом редколлегии 5-го и 6-го томов «Истории Второй мировой войны». В течение многих лет А.М. Самсонов был главным редактором серии «Памятники исторической мысли», председателем редколлегии серии «Народы в борьбе против фашизма и агрессии», главным редактором «Исторических записок», руководителем комплексной программы «Проблемы войны и мира в 20 в.». Награжден двумя орденами Отечественной войны 2-й степени, орденами Трудового Красного Знамени, Красной Звезды, «Знак Почета».

Умер 4 апреля 1992 года.

Публикация: ДМИТРИЕВА Ольга Руслановна — научный редактор редакции «Военно-исторического журнала» (Москва)

ЯНВАРЬ В ВОЕННОЙ ИСТОРИИ

января 1943 года началась Северо-Кавказская наступательная операция войск Закавказского (генерал армии И.В. Тюленев), Северо-Кавказского (генерал-полковник И.И. Масленников) фронтов, части сил Южного фронта (генерал А.И. Еременко) и

Черноморского флота (вице-адмирал Ф.С. Октябрьский). Советские войска нанесли тяжелое поражение группе немецких армий «А» и вышли на подступы к Ростову-на-Дону, к Таганрогскому заливу у г. Ейска, северо-восточнее г. Краснодара и на рубеж р. Кубани.

января 1908 года родился Е.Г. Рудяк (станция Грозненская, Чечено-Ингушетия), Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственной премий, заслуженный деятель науки и техники РСФСР, доктор технических наук, профессор, главный конструктор артиллерийских систем и стартовых комплексов ракетного оружия.

2 января 1918 года создана Всероссийская коллегия по управлению Воздушным флотом республики, возглавившая реорганизованные управления Воздушного флота и морской авиации.

6 января 1943 года указом Президиума Верховного Совета СССР «О введении новых знаков различия для личного состава Красной Армии» введены погоны.

8 января 1908 года родился А.М. Самсонов, ученый-историк, академик АН СССР. Окончил исторический факультет ЛГУ. С 1948 года занимал разные должности в Институте истории АН СССР. Основные работы по истории Великой Отечественной войны: «Великая битва под Москвой. 1941—1942 гг.» (1958 г.); «Сталинградская битва» (1968 г.) и др.

9 января 1878 года во время Русско-турецкой войны 1877— 1878 гг. в сражении при Шейново (Болгария) русские войска разгромили и захватили в плен 30-тысячную турецкую армию.

января 1918 года в Новочеркасске провозглашено создание Добровольческой армии для борьбы с большевиками. Ее основателем стал председатель Особого совета генерал М.В. Алексеев. Главнокомандующим Добровольческой армией был избран генерал Л.Г. Корнилов, начальником штаба назначен генерал А.С. Лукомский.

января 1943 года для прорыва блокады Ленинграда началась стратегическая наступательная операция «Искра». Проводилась силами Ленинградского (67-я армия, генерал-майор М.П. Духанов) и Волховского (2-я ударная армия, генерал-лейтенант В.З. Романовский, 8-я армия, генерал-лейтенант Ф.Н. Стариков) фронтов.

18 января 1943 года войсками Ленинградского (генерал-лейтенант Л.А. Говоров) и Волховского (генерал армии К.А. Мерецков) фронтов в районе Шлиссельбурга прорвана блокада Ленинграда.

18 января 1943 года произведен в маршалы Г.К. Жуков.

21 января — День инженерных войск (установлен Указом Президента РФ № 1370 от 18 сентября 1996 г.).

21 января 1908 года родился Е.П. Егоров (г. Николаев). Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии, доктор технических наук, профессор, капитан 1 ранга. С 1952 года — директор судостроительного завода № 402 в г. Молотове (ныне Северодвинск), который первым в стране начал строительство АПЛ.

22 января 1758 года в ходе Семилетней войны 1756—1763 гг. русские войска под командованием генерал-аншефа В.В. Фермора заняли г. Кёнигсберг, столицу Восточной Пруссии, ставшую новой провинцией Российского государства.

23 января 1558 года началась Ливонская война.

января 1878 года во время Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. русской торпедой был потоплен турецкий пароход — первое в истории успешное применение минно-торпедного оружия.

января 1944 года — День воинской славы России. День снятия блокады Ленинграда.

января 1918 года Совет народных комиссаров принял Декрет об организации Рабоче-крестьянской Красной армии.

30 января 1958 года в соответствии с постановлением Совета министров СССР в целях использования в интересах обороны страны накопленных знаний и опыта лиц высшего руководящего состава учреждена Группа генеральных инспекторов Министерства обороны СССР. Упразднена 11 января 1992 года.